

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОЧ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

АБРИ + ДОРА = ЛЮБОВЬ

Шуламит ШАЛИТ

О личной жизни поэт Авраам Шлэнский не писал и не говорил, считал, что и в поэзии следует воздерживаться от прямого изъяснения чувств. Даже в письмах к близким не слишком душу открывал. Это Тютчев Федор Иванович говорил: "Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса"... А сердце Шлэнского?

13 апреля 2018 года, в израильской газете "А-арец", в ее приложении "Тарбут вз-сифрут", почти во всю ширину первой страницы - портреты поэта Шлэнского и незнакомой женщины (рис. Эрана Волковского), а ниже - невероятной длины название: "Дорогая моя, не совершил ли я ошибки, не порвав этого письма, и теперь оно летит к тебе, чтобы крепко тебя поцеловать, очень-очень крепко?". Автор публикации профессор Хагит Гальперин, известная глубокими исследованиями творчества многих ивритских писателей. О Шлэнском у нее много написано. В 2011 году вышла как бы итоговая книга о нем - "Маэстро", в ней более 600 страниц - там и про всю его семью, про старшего брата Дова (Борю), математика, братья любили друг друга, про сестру Вердину, пианистку и композитора (она про Авраама: "Брат хотел сделать меня сионисткой, но Шагал сказал, что я цветок не этой страны"), про других сестер, про жизнь Шлэнского (1900-1973) от первого до последнего дня, и про все его многожанровое, необъятное творчество - талантливого поэта, драматурга, переводчика. И про двух его жен! Тема исчерпана...

И какой сюрприз! Прежде всего, наверно, для самой Хагит

Авраам Шлэнский: "На иврит можно перевести абсолютно все"

Гальперин. В литературном архиве "Гназим" обнаружена стопка писем поэта, и мы, вслед за ней, знакомимся с новым и неожиданным Шлэнским - человеком с юным горячим сердцем, влюбленным, тоскующим и страстным. А в чудеса вроде не верил...

Так кто же эта незнакомка рядом с ним? Неужели Дора Тейтельбойм? У меня была ее книга "Огненный куст" в прекрасных переводах Льва Беринского с идиша, но когда она вышла и где она?..

Видела стихи ее и на идише. Помнила название одного стихотворения Доры, потому что мне показался удачным мой перевод: "Сегодня ветер говорил со мной на идиш" (вот, нашла и оригинал: "с'хот дэр винт хайнт герэдт цу мир идиш"). В русской книге его не оказалось, пронзительный и поразительный текст... Рахель Баумволь меня благословила... Моей самонадеянности хватило на один вечер.

Неужели тайный роман между двумя знаменитыми поэтами? Нашла "Огненный куст", какое счастье! Тель-Авив, 1992 год. Прекрасную идишскую поэтессу Дору Тейтельбойм от-

крыл мне, нам Лев Беринский! И это ее портрет рядом со Шлэнским!

Значит, все эти крепкие поцелуи Доре? Шлэнский шлет письма в Париж? Да, одно ее письмо, где она зовет его приехать, приведено, и его можно будет частично показать... Ему нравятся ее стихи, он переводит ее книгу, но он полюбил в ней и женщину, полюбил пылко, сделал своей Музой...

Что нам вообще, на русском языке, было известно о личной жизни Шлэнского? Теперь уместно уже об этом поговорить?

Люсю знали, потому что он привез ее с собой, и они вместе были, меж людьми, и в "Гдуд а-Авода" ("Рабочий батальон") и в мошаве Эйн-Харод...

Но поколения сменяются, и на мой вопрос в начале 1990-х, у друзей из клуба "Лайонс", женат ли был Шлэнский, я получила от семейной пары староженов два ответа: "Была какая-то Люся, он привез ее из Украины, артистка в театре "Охэль", - сказал Нафтали, он был старше жены лет на десять. "Ты путаешь, - перебила Блюма, - ее зва-

ли Мира, и она ушла к Шлэнскому от его друга, писателя Якова Горовица, а играла она не в "Охэле", а в театре "Кумкум"..."

Сегодня информации на иврите много больше, но, кажется, в главном они не ошибались. Люся пристрастилась к алкоголю и жаловалась брату Шлэнского, что она хочет ребенка, а Авраам говорит, что, по мнению врачей, бутылка и ребенок не подходят для совместной жизни. И хотя Шлэнский свою первую любовь, Люся была старше на два года, жалел, семьи у них не получилось. Однако, даже уйдя к Мире, Шлэнский не разводился, отправил Люсю на лечение в Швейцарию (по словам Руты Эшель, дочери Шлэнского и Миры, отец считал, что, увезя Люсю в чужую страну, испортил ей жизнь). Но и вернувшись, она продолжала пить, ее другом стал актер Симха (Санька) Цеховал, а в 1953 году она покончила с собой, выбросившись из окна... Шлэнский платил "за Швейцарию" еще лет двадцать. С Мирой они были знакомы давно. Встречались как друзья в общих компаниях. В 1927 году она вышла замуж за его приятеля - писателя Якова Горовица, родила дочку Дану. Мира, дочь Давида Левина, прославленного педагога и эрудита, родилась и училась в Швейцарии, много читала, тонко чувствовала поэзию. В 1934 году, когда Шлэнский приезжал в Париж, он, по словам Вердины, знавшей всех его друзей, неожиданно признался: Мира сказала, что она в меня влюблена... Иные пишут, что это он увел ее у Горовица. Горовиц женится вторично, а Мира проживет с Авраамом до последнего свое-

го дня. Но тогда... Об их романе поползли слухи. Чтобы убежать от них, забеременев от Шлэнского, Мира разводится с мужем и уезжает в Европу, где и родит дочку Руты - все это втайне от близких и друзей. И от Шлэнского? Узнав о рождении дочери (почему именно в Румынии, роли не играет), Шлэнский хочет видеть ребенка. Он любит и всегда будет любить и старшую девочку, Дану, дочь Миры от первого брака, но не может оставаться безучастным, - у него родился ребенок! И он отправляется в Европу. В дневнике рассказывает о встречах с видными литераторами, о тревожной атмосфере в Европе кануна Второй мировой войны, но ни единого слова ни о Мире, ни о Руте. Такая ситуация, такой вот человек... Только через год Мира решит, что пора возвращаться домой. Встретят ее с годовалой Руты почему-то только брат Авраама и его жена Маша. Среди общих друзей Шлэнского и Миры некоторые отвернулись от обоих. "Почему они не приняли Миру?" - с запоздалой обидой спросит Шлэнский через тридцать с лишним лет своего друга Авраама Халфи. Это будет на похоронах Миры...

Признаюсь, заинтересовалась я Шлэнским, когда Цви Арад, известный переводчик на иврит, привел поразившие меня примеры его переводов с русского на иврит. Как-то в кафе "Касит" шел громкий спор. В 1930-е годы многие среди всегдашних литературного кафе знали русский язык. Кто-то сказал, что русский намного богаче и гибче иврита. Надо было видеть Шлэнского! Он запальчиво заявил, что на иврит можно пе-

САНИТАР-НОСИЛЬЩИК

Сэм ИОСМАН

- Убрать! Вы слышите: убрать! - кричал издателю моей книги в Литве один неведомый миру профессор каких-то неведомых наук. - Орден Ленина не давали сержантам! Это награда высших офицеров и генералов, - на ходу сочинял он военные байки. - И вообще у еврея не может быть столь высоких орденов, ложь это все. Я требую убрать это из книги или я дойду до мировой прессы.

Я лишь улыбнулся, узнав об этой истории, ибо, проработав полжизни на Би-би-си в Лондоне, я тоже был членом элитарного клуба мировой прессы. Так что еврейский профессор со съехавшей крышей вполне мог обратиться прямо ко мне, автору книги "Наемник холодной войны", было бы в самый раз.

Но коль завел я об этом разговор, то надо бы ближе к делу. Как любят говорить французы, "бекицер".

Поговаривают, в шутку или всерьез, не знаю, что в процентном отношении евреи выиграли войну. Но вспоминая этого еврейского профессора, я еще раз убедился: насчет войны говорить не берусь, а придурков в нашем народе не меньше, чем среди других наций. Хотя, действительно, если посмотреть на иконостас боевых наград моего отца Гирша Иосмана, невольно задаешься вопросом: что ж он такого вытворял на фронте, коли был удостоен столь высоких почестей?

В конце прошлого года в израильском журнале появилась статья Бориса Кременецкого "Санитар-носильщик", в которой он подробно рассказывает о подвигах и боевых наградах сержанта Гирша Иосмана. Мало того, Борис подал объявление в израильские газеты, разыскивая потомков героя. Я же узнал об обо всем этом совершенно случайно. Совсем недавно, поудобней устроившись у компьютера, я как обычно зарядил розыскную строку гугла именами своей дочери Карен и сына Даниеля Иосмана, чтобы выяснить, что на этой неделе пишут о моих отпрысках - оба они весьма успешные журналисты, причем не только в Англии, но и в Америке. Карен окончила литературный факультет Оксфорда, а затем еще и юридический, и уже несколько лет она - лондонский корреспондент "Лос-Анджелес таймс" по культуре и искусству. Данни окончил факультет бизнеса в Манчестере и, едва выскочив из студенческих пеленок, тут же основал свое издательство и издает парламентский журнал The Parliamentary Review. Вступления к каждому выпуску журнала с похвальными отзывами о нем пишет то премьер-министр Тереза Мэй, то бывший премьер Дэвид Кэмерон, то нынешние министры британского правительства. Президенты ведущих британских компаний прямо говорят, что считают за честь видеть свое имя и название компании в парламентском обозрении.

Думаю, герой войны, санитар-носильщик 16-й Литовской дивизии Гирш Иосман, дедушка моих Карен и Даниеля, гордился

В мае 2017 года мы опубликовали статью Бориса Кременецкого "Сержанты". Там было четыре сюжета о фронтовиках. Во втором из них речь шла о Гирш(ас)е Ициковиче Иосман(ас)е. В одном из абзацев писалось: "Попытки разыскать потомков Гирша были безуспешны. Может быть, после публикации этой статьи откликнутся родственники".

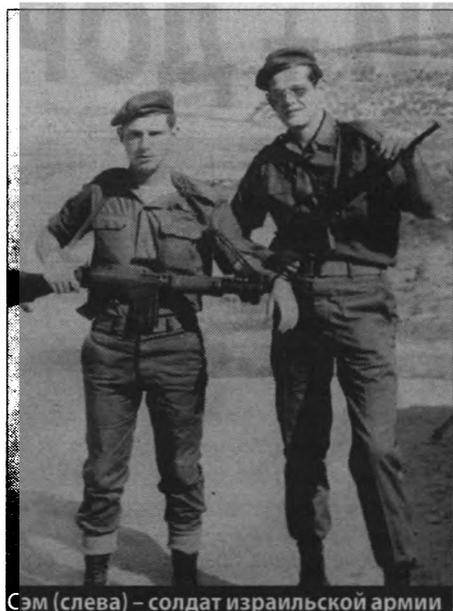
И вот недавно раздался звонок из... Лондона. На проводе был Сэм Иосман - сын Гирша Иосмана... "Сработало" объявление в одной из газет!

Уже 45 лет Сэм живет в Англии, из них 40 лет он проработал в русской редакции Би-би-си...

По просьбе Б.Кременецкого Сэм написал статью-продолжение специально для "Еврейского камертона". Мы благодарим обоих.

Сэм с отцом, Гиршем Иосманом, кавалером пяти боевых наград

Сэм (слева) - солдат израильской армии

бы своими лондонскими внуками. Как, впрочем, и своими внуками в Израиле, сыновьями моей сестры Анны и ее мужа Давида Фишера. Закончив армейскую службу в ЦАХАЛе, они на полной скорости рванули вперед. Старший, Гидон, стал эконо-

номистом в ведущей аудиторской палате Израиля, а младший, Эльдад, по-видимому, получил в наследство гены своего деда, санитар-носильщика Красной армии. Окончив медицинский факультет Тель-Авивского университета - а туда на медици-

Сэм и Пол Маккарти

ну не принимают неодаренных, он стал процветающим врачом в больнице Ихиллов в Тель-Авиве.

И вот, выискивая в интернете и в прессе материалы о своих детях, я неожиданно наткнулся на объявление в израильской газете о том, что разыскиваются потомки Гирша Иосмана (или Иосманаса - часто нашу фамилию пишут с литовским окончанием). Я позвонил в Хайфу, Борису Кременецкому - он, хотя по профессии химик, глубоко интересуется историей Второй мировой войны. Порывшись в советских архивах, он нашел наградные листы моего отца, подписанные маршалом Василевским и указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении Гирша Иосмана орденом Ленина, Боевого Красного знамени, Красной звезды, орденом Славы, медалью "За боевые заслуги", не говоря уже о разного рода грамотах. Когда-то среди них была и личная благодарность Сталина, но, увы, в связи с переездами многое затерялось. Борис искал потомков Гирша в Литве и Израиле, но закончил свою статью словами о том, что о послевоенной жизни санитар-носильщика ничего неизвестно. Я обычно скуп на комплименты и никогда не пишу писем авторам разных статей, ибо помню, как меня, хорошо известного в СССР журналиста Би-би-си, выступавшего под псевдонимом Сэм Джонс, осаждали тысячи поклонников. Но тут я не выдержал и решил написать письмо Борису и поблагодарить его за теплые слова о моем отце, добавив: коль необходима дополнительная информация, я готов помочь, чем могу. Он был весьма удивлен, ибо искал меня и сестру через Сохнут, "Яд ва-Шем" и даже через похоронное бюро Израиля. Боря, я еще здесь, не спешу. Борис же предложил мне самому написать статью, и не только о подвигах Гирша Иосмана в годы войны, но и о его жизни, и о судьбе его близких в послевоенные годы. Понятно, что тут я отказать не мог.

Итак, санитар-носильщик, продолжение.

Мой отец Гирш Иосман родился в 1908 году (по некоторым документам в 1910-м) в бедной еврейской семье в литовском городке Дусетос, на границе с Латвией. Совсем еще мальчишкой он остался круглым сиротой и воспитывался в еврейском сиротском доме. Его друзья вспоминают, что, получив первую зарплату, а он начал работать пекарем еще подростком, он купил массу подарков детям и отнес их в сиротский дом. Наверное, забота об обездоленных и пострадавших была заложена в него самим Господом Богом. Незадолго до войны Гирш повстречал каунасскую красавицу Рахель Вульфович, и вскоре они поженились. Но война разрушила счастье моих молодых родителей. Не только мой отец, но и моя мать, были крайне прозорливыми, и я благодарен им еще и за то, чему научили меня в жизни. Как говорится, не смотри на стенку, смотри сквозь нее. Сегодня это модно называть конспирацией или теорией заговора. Ну-ну. Если бы не прозорливость моих родителей в первый же день войны,

Сэм с Булатом Окуджавой

Интервью с Шимоном Визенталем

Даниель и Карен в Лондоне у стенда Гирша Иоссмана

ни их, не меня не было бы на свете. Отец и мать тут же бежали из Каунаса, умоляя своих близких бежать вместе с ними. Те не слушались - и больше их никто не видел.

Мои родители бежали через Белоруссию, где местные крестьяне кидали в них камнями и картошкой и кричали: "Скоро придут немцы, кончат с вами, жидами!". Стояла страшная жара, но никто не давал им даже глотка воды, и лишь изредка они пили озерную воду да порой жижу из дождевых луж. Они добрались до Средней Азии, а там, в Киргизии, уже собирались группы евреев-беженцев из Литвы для отправки в Балахну в Горьковской области, где формировалась 16-я Литовская дивизия. Отец ушел на фронт, мать осталась работать в кишлаке.

Я и моя сестра долго не знали о подвигах отца на войне. Лишь в 90-е годы, когда в Америке, Израиле и России стали появляться книги с главами о моем отце, мы наконец узнали, за что он получил высокие боевые награды. Поначалу он был командиром десантного отделения, которое забрасывали в тыл к немцам, где они устраивали панику, путая их карты. Подробнее об этом рассказывает в книге "Путь к победе" командир отца полковник Каченевский. Под Алексеевкой, на Курско-Орловском направлении отец был тяжело ранен осколком снаряда. Его вывезли с поля боя, привязав к крылу санитарного "кукурузника" - в самолете больше не было мест. Подлечившись в госпитале, он выписался раньше времени, и его направили на фронт уже не в десантную часть, а санитаром-носильщиком. Видимо, врожденное сострадание к ближним толкало его на подвиги даже в этой, казалось бы, нисколько не боевой роли. Он вынес с поля боя более двухсот раненых с личным оружием. Мы бы, наверное, об этом ничего не узнали, отец никогда не хвастал своими подвигами. Ордена пылились в немецкой полевой сумке, которую он снял с убитого гитлеровского офицера.

Помню, мальчишкой я каждую субботу ходил с отцом в баню попариться. Там собиралась масса народа, и однажды один подвыпивший мужик стал вдруг разглаживать о том, что пока русские гибли на фронте, евреи отсиживались в Ташкенте. Свой монолог он не закончил, отец одним ударом уложил его на землю. А в бане многие к нему потом подходили и пожимали руку - все видели его искореженную спину, разнесенную немецким снарядом под Орлом.

Неподалеку от нашего дома на площади перед Домом офицеров оттачивали перед праздниками строевой шаг воинские части вильнюсского гарнизона. Впереди роты, с

обнаженной шашкой шел офицер, на груди у многих красовались боевые ордена. И мне тоже хотелось командовать ротой. "Чем я хуже?" - думал я десятилетним мальчишкой. Сбегав домой, я достал отцовскую полевую сумку, нацепил себе на матроску отцовские ордена и пошел на площадь Дома офицеров. Когда проходившая рота поравнялась со мной, я достал из игрушечных ножен свою пластмассовую шашку и, пристроившись рядом с командиром роты, зашагал вместе с ним. Дальше - лучше. Не помню, как я очутился в воздухе. Под конвоем милиции и армейского патруля меня привели домой. Было воскресенье, отец был дома. Патруль попросил его предъявить орденскую книжку. Изучив ее, они взяли под козырек и со словами "Присматривайте за пацаном" удалились. Отец же уложил меня к себе на колени и прошелся по моему тощому заду изношенным армейским ремнем. Со злости я схватил его ордена и бросил их на пол - на нижней стреле ордена Красной звезды соскочила эмаль. И так вот все эти годы слегка разбитый орден на груди отца повествовал о моем хулиганском поступке. И даже сейчас, на стенде отца в Имперском военном музее в Лондоне, где его ордена, фотографии и описание его подвига висят в зале Красной армии уже больше сорока лет, орден Красной звезды с отбитой эмалью всегда напоминает мне о детстве.

Я рос без дедушек и бабушек: мои родители были сиротами, а их братья и сестры погибли в первые дни войны. У отца были еще две сестры в Израиле, они уехали в 30-е годы - тогда еще в Палестину - осушать болота и строить еврейское государство. Они даже не знали, что отец и мать выжили в войну. Когда же они нас нашли после войны через Красный Крест, - они тут же выслали нам приглашение переехать в Израиль, но из-за высоких наград отца нас не выпускали вплоть до 1971 года. И тогда, на приеме у министра внутренних дел Литвы, после первой еврейской голодовки в Москве, отец повторил мой хулиганский поступок.

- Вам нужны мои ордена? - крикнул он министру. - Вот, берите их! - и швырнул их ему на стол.

В конце концов нам дали выездную визу и десять дней чтобы убраться из СССР. Мы не заставили себя долго ждать, тут же взяли билеты из Вильнюса на Москву, а с Белорусского вокзала - во Внуково. Нас предупреждали не брать с собой дорогих вещей. Да их-то у нас и не было. Мол, таможня прощупывает буквально все, некоторых даже отправляют на рентген, пугали нас знакомые. Мы подошли к таможенной

стойке во Внуково, таща за собой несколько чемоданов. У отца еще был саквояж. И тут произошла история, которой мало кто верит, когда я ее рассказываю. Отец поставил саквояж на стол таможенника и предъявил ему наши выездные визы. Таможенник открыл саквояж, и первым делом достал оттуда немецкую полевую сумку. Осторожно он стал выкладывать отцовские ордена на стол, затем достал орденскую книжку и благодарность Сталина. Внимательно изучив их, он осторожно сложил ордена обратно в полевую сумку. Не открыв ни одного чемодана, таможенник подвинул саквояж отцу, выпрямился и взяв под козырек, отдал отцу честь: "Проходите. Желаю счастья на вашей новой родине".

В Израиле высокие советские ордена, как, впрочем, и сами ветераны войны, мало кого интересовали. Отцу было за шестьдесят, и никто не хотел брать его на работу, даже простым пекарем. Иногда он получал день или два ночной работы, если кто-то болел или прогуливал. Он получал пенсию по старости - так вот мы и жили. Аня, моя сестра, закончила Тель-Авивский университет по английской литературе, я после ульпана в кибуце пошел в армию. Мог бы еще подождать, но после убийства израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде пошел в комендатуру Петах-Тиквы и долго уговаривал их взять меня раньше времени. Курс молодого бойца, тиронут, проходил в Самарии, недалеко от Наблуса. Затем самоходки, я стал водителем танка и не успел демобилизоваться, как началась Война Судного дня. И тут меня обошли, взяли не сразу, а где-то через месяц. Шла война на истощение. Я пришел попрощаться домой, мама заплакала, отец меня обнял и, как старый сержант, стал проверять чистоту ствола моего "узи". Сейчас уже я уходил на фронт. Там, на Голанах, уже полегли мои друзья-однокурсники из Вильнюса. Борю Ошериса убило прямым попаданием снаряда, Боря Гандельман выносил раненого из танка (как когда-то под Курском мой отец) - и их обоих в упор расстреляли сирийцы.

После войны я опубликовал книгу о своих поездках по далеким уголкам всего Советского Союза, и за меня ухватилась Биби-си в Лондоне. Мама рассказывала, что единственное, что скрашивало серые будни моего отца, это мой голос в эфире. Устроившись в кресле-качалке и приложив ухо к старенькой "Спидоле", он слушал своего сына из Лондона. И, наверное, понимал, что когда-то ошибся: "Ты никогда не станешь журналистом, здесь еврейские писатели никому не нужны. Найди себе настоящую профессию - слесаря, плотника, что-

нибудь, что прокормит тебя", - увещевал меня отец с вильнюсской колокольни. Я стал журналистом и, наверное, даже неплохим, коль моя программа с Полом Маккартни считается исторической и попала в Британскую энциклопедию. А британская Ассоциация прессы в честь 25-летия моей программы "Рок в помощь Армении" запустила в продажу игру-пазл, кофейную кружку и плакат с моим ликом в окружении мировых рок-звезд. Увы, отец не дожил до этих дней.

В 1982 году я на несколько месяцев отправился в Латинскую Америку, тогда Биби-си еще могла себе позволить отправлять своих людей за тридевять земель для расширения журналистских горизонтов. После карнавала в Рио-де-Жанейро и танго-клубов Буэнос-Айреса я оказался в джунглях Парагвая с индейским племенем гуарани. Дикари дикарями, но и там был небольшой киоск, а в нем телефон. Я позвонил домой, в Израиль. Трубку подняла сестра Аня: "Приезжай домой, вчера умер папа". Я сел под пальмой и, с трудом сдерживая слезы, вспоминал своего отца. Вот мы слушаем с ним по радио спектакль "Брестская крепость", вот он хлещет меня венником в парилке, помню, мне было жутко стыдно, когда мы столкнулись с ним в дверях в четыре часа утра - он шел на работу в пекарню, я возвращался из ночного клуба. Положив голову на колени, я зарыдал от горя. Девочка из племени гуарани дала мне леденец: "Не плачь". Через два дня я стоял над могилой отца в Израиле и читал кадиш.

Лет двадцать назад, когда мои дети еще не были парламентскими издателями и международными журналистами, а были маленькими детьми, я привел их в Имперский военный музей в Лондоне, пожалуй, самый большой и самый престижный военный музей в мире. Там, в зале Красной армии есть стенд моего отца. Мой сын Даниель со свойственной ему с пеленок бизнес-жилкой сказал: "Когда я вырасту, я заработаю много денег и выкуплю отсюда ордена дедушки". На что Карен ему ответила: "И что, они будут снова пылиться в сумке? Здесь их видят, и о дедушке читают миллионы людей со всего мира. Это был, наверное, единственный раз, когда мой сын смолчал и ничего ей не возразил."

Сейчас у меня свои внуки. Дети моих детей. Правнуки моего отца. Появились и внуки у сестры Ани в Израиле. И я нисколько не сомневаюсь, что мои дети и мои израильские племянники приведут к стенду нашего отца и своих детей и скажут им: "Это ваш прадедушка, герой войны, сержант Гирш Иосман".

ПРЕСТУПНОЕ СЛОВО

Белла КЕРДМАН

Осуждая новый польский закон, предусматривающий уголовную ответственность за определение Освенцима, Майданека, Трешлики, Собибора и прочих мест массового истребления евреев "польскими лагерями смерти", моя собеседница возмутилась: мол, как можно за "всего лишь слово" приговаривать человека к трем годам тюрьмы! Я не сразу нашла достойное возражение, потом сама себе удивилась: ведь началом всего было слово, древняя же истина! "Окончательное решение еврейского вопроса" тоже прозвучало словом, сказанным на пресловутой Ванзейской конференции в январе 1942 года. Она получила название от принявшей ее виллы на озере Ванзее в предместье Берлина.

А перед тем была международная конференция, созванная по инициативе президента США Франклина Делано Рузвельта. Она проходила в Эвиане ле-Бен, французском курортном городке с 5 по 16 июня 1938 года, то есть за год до Второй мировой войны. Тогда представители 32 стран обсуждали вопрос: как быть с евреями, которым Гитлер отказывал в праве на существование на территориях Германии, Австрии и Чехословакии (а вскоре, как мы знаем, во всей оккупированной части Европы). И США, инициаторы этого представительного собрания, послужили также инициаторами отказа принять у себя гонимых нацистами "человеческих отбросов Европы", - такие слова, представьте себе, звучали в кулуарах той конференции. А итоговое ее слово было зафиксировано в телеграмме в Берлин, уведомлявшей, что ни одна из 32 стран не оспаривает "право германского правительства на законодательные меры в отношении некоторых своих граждан". Такая вот мерзкая подказка.

А теперь - дальнейшие слова: две цитаты об Эвиане.

1. "Невозможно смотреть на этот позорный спектакль, когда весь демократический мир изнывает от сочувствия к бедному мученическому еврейскому народу, но остается черствым, жестокосердным, когда приходит пора помочь ему".

2. "Для приема еврейских беженцев в любой стране будет нужно много денег, значит, сионистские финансы будут подорваны... Не дай Бог, чтобы страны-участницы конференции явили свое великодушие и пригласили евреев Германии в свои пределы, тогда Палестина будет отодвинута другими странами, евреи не дадут денег, и англичане не будут давать разрешения на въезд в Палестину".

Имена авторов этих цитат, предвижу, крайне удивят читателей. Меня они повергли в шок! Первая цитата принадлежит... Адольфу Гитлеру, а вторая - лидеру сионистов, будущему президенту Израиля профессору Хаиму Вейцману.

А далее Холокост, как сказано выше,

Участники Эвианской конференции

был "узаконен" официальным словом: "Окончательным решением еврейского вопроса". Этот постулат, прямо предписывающий исполнителям геноцид евреев, выработали участники другой, Ванзейской конференции. И состав ее участников был другим: ведущие чиновники рейха и иже с ними. Стихийные еврейские погромы, начавшиеся с оккупацией нацистами европейских территорий, а кое-где и до того, были "упорядочены", да что там! - узаконены правилами, определенными в Ванзее. Главным ответственным лицом за исполнение "окончательного решения" назначили Гейдриха.

Поскольку идея выселить евреев за пределы Германии и ее союзников, а также тех территорий, которые им удастся оккупировать, не нашла "понимания", было предложено новое решение еврейского вопроса: "выселение евреев на восток". Этот эвфемизм означал на деле истребление евреев в концлагерях на территории Польши. Могла показаться неожиданной представленная на конференции статистика - наличие еврейского населения в каждой из европейских стран: 11 миллионов. Даже 200 евреев Албании были учтены. Так что уничтожить собирались всех до единого. Но если знать, что известный всему миру бессменный глава американской компании IBM, Томас Дж. Уотсон, друг Гитлера и

одновременно друг Рузвельта, передал Германии одну из первых своих вычислительных машин, так что жизнь евреев была заранее поставлена на перфокарту, удивляться нечему. Может быть, удивимся тому, что Уотсон, получивший из рук Гитлера высшую награду рейха - орден Германского Орла, не сел на скамью подсудимых в Нюрнберге? Нет, тоже не стоит, зная, что курьеру Холокоста, польскому офицеру Яну Карскому, дожившему Рузвельту о поголовном истреблении нацистами евреев, тот задал только один вопрос: как в Польше с конским поголовьем? Таким было еще одно слово.

Известно, что практически истребление евреев на оккупированных нацистами территориях предварило макабристский закон об "окончательном решении": литовские националисты Каунаса учинили расправу над своими евреями в конце июня 41-го; погром во Львове, который осуществили украинские националисты из ОУН Степана Бандеры, состоялся в июле того же 1941 года; в польском Едвабне (а точнее, западнобелорусском, оккупированном Советами в 39-м году) истребление евреев началось в том же июле, без участия гитлеровцев. И далее, как говорится, везде, куда ступала нога оккупантов или ожидалось ее вступление. Но то были "всего лишь" погромы. А слово об "окончательном ре-

шении", воспринятое организаторами и исполнителями Холокоста с удовлетворением, как бы позволило даже Эйхману назвать себя "просто винтиком" в адской машине, настроенной на уничтожение целого народа. Так же - "винтиком" или "простым почтальоном" назвала его Хана Арендт, знаменитый философ (еврейка, кстати), представлявшая на суде в Иерусалиме американский журнал "Нью-Йоркер".

А теперь - о другом слове: о законе об уголовной ответственности за отрицание Холокоста. Не помню, кто из освободителей, увидев воочию лагерь смерти, из которого только что выбили нацистов, поощрил того, кто снимал на фото или киноплёнку ужас, открывшийся его глазам: надо, мол, запечатлеть побольше таких свидетельств, ибо в будущем могут найтись негодяи, которые станут все это отрицать. Предвидел это будущее человек! Как мы знаем, сегодня отрицателей Холокоста немало, не будем перечислять.

Так вот, насчет закона. Уголовное преследование за отрицание Холокоста предусмотрено в ряде стран, в основном европейских, пострадавших от идеологии и практики национал-социализма в пору Второй мировой войны. Законы, запрещающие публичное отрицание, преуменьшение, одобрение или оправдание преступлений, совершенных нацистами, приняты в Австрии, Бельгии, Германии, Литве, Люксембурге, Польше, России, Словении, Франции, Швейцарии. Аналогичные законы действуют в Лихтенштейне, Португалии, Чехии и Словакии. В 2010 году закон, карающий за отрицание преступлений тоталитарных режимов, был принят в Венгрии. В этом же списке, естественно, Израиль. Здесь закон об ответственности за отрицание Холокоста был принят в 1986 году. Срок заключения для - цитирую - "лиц, публикующих письменно или устно материалы, отрицающие или приносящие масштабы преступности деяний, совершенных против еврейского народа или против человечества во время нацистского правления с целью защиты тех, кто совершал эти преступления, или же с целью выражения солидарности с ними или симпатии к ним" составляет, как и в Германии, до пяти лет.

Важно отметить, что в данном законе установлены существенные правоприменительные ограничения. Так, само по себе историческое сомнение или бес-

Участники Ванзейской конференции

Итоги

пристрастное научное исследование, ставящее целью разобраться в происшедшем, пусть и с позиций, отличных от общепринятых, преступлением не является - при отсутствии цели защиты нацистских преступников или выражения солидарности с ними. Защищены от уголовной ответственности представители СМИ, освещающие данную проблему - при условии, что они описывают ее непредвзято, без "выражения солидарности или симпатии по отношению к тем, кто совершал преступления против еврейского народа или против человечества". Право подавать обвинительное заключение по данной статье у нас имеет только генеральный прокурор.

Во многих странах отрицание Холокоста сначала преследовалось в рамках существующих уголовных кодексов, и все же некоторые из них приняли специальные законы, запрещающие отрицание нацистского геноцида. Наказание обычно сочетает крупные штрафы и сроки тюремного заключения. Например, в Австрии, Румынии и Чехии максимальный срок заключения - до десяти лет.

Несколько слов о Франции, чье коллаборационистское правительство во время оккупации отправило своих евреев в лагеря смерти. Обратимся к интернету. В июле 1990 года французский парламент принял так называемый закон Гейссо, запрещающий публичные расистские, антисемитские и ксенофобские высказывания, дискриминацию по принадлежности к этнической группе, нации, расе или религии. Закон также запрещает отрицать Холокост и выводы Международного военного трибунала в Нюрнберге, выражать сомнения в существовании лагерей смерти и газовых камер, в которых нацисты осуществляли массовые убийства. На основе этого закона было вынесено несколько обвинительных приговоров французским отрицателям Холокоста. Кстати, в списке судебных приговоров за нарушение "закона о Холокосте" чаще других мелькает Франция - примерно на уровне Германии. Что это? Комплекс вины за режим Виши, соблюдавший нейтралитет по отношению к оккупантам и позволивший отправить своих граждан-евреев на заклание?

А вот в Соединенных Штатах отрицание Холокоста ненаказуемо: там свободное выражение своих взглядов защищено Конституцией. В 2011 году аналогичный подход принял Верховный суд Испании. В Дании и Норвегии отрицание также не запрещено. Конституция, конечно, дело святое. Но, как показывает исторический опыт человечества, слову в определенных условиях присуще свойство реализоваться. Опасное слово, соответственно, реализуется в опасность для человека. Даже смертельную.

Тема обязывает напомнить, что денацификация и покаяние по-настоящему предприняты были только послевоенной Германией. Некоторые страны, в частности, отпавшая от соцлагеря Польша, провели также декоммунизацию. В том, что режимы гитлеровской Германии и сталинского СССР были схожи, порой до идентичности, человек, взыскующий правды, сегодня не сомневается.

А что же страны нашего исхода - Россия, Украина, Белоруссия, Молдова, кавказские регионы, которые достала оккупация, а стало быть, и Холокост? Прежде всего Россия, преемница СССР. Советская историография не просто замалчивала тему Холокоста (вспомните: мы и слова такого не знали), она отказывалась

признать его "уникальность", не выделяла сведения об уничтожении евреев нацистами в самостоятельную исследовательскую проблему. До конца 1980-х годов Холокост как историческое явление был запретной темой для советских историков, архивы были закрыты для ученых. Добавлю, что архивы, касающиеся участия так называемого титульного населения в "окончательном решении", закрыты до сих пор.

Отметим, однако, что государственного антисемитизма в сегодняшней России нет. По моим наблюдениям, здесь главную роль играет факт, что сам Владимир Путин, назвавший отрицание Холокоста "преступной практикой", никак не антисемит, чего-чего, а такого греха за ним не водится. Однако в русском народе, в российском обществе, на всех уровнях, антисемитизм никуда не делся. И даже не то что тлеет, а то и дело вспыхивает в разных местах, хотя евреи в России сильно поредели числом.

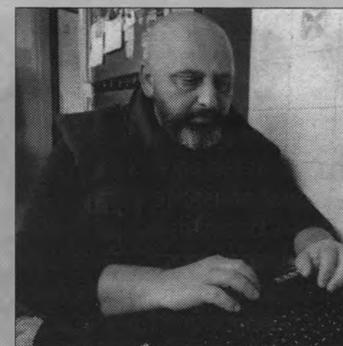
Правду сказать, и евреи, оставшиеся на месте и занявшие там не последние места, хороши: чего стоит хотя бы Ханука и другие наши национальные праздники в Кремле или другом официально значимом месте. Ну, никак не подберут более скромную сцену для пляски Берла Лазара! Не иначе, как сказывается комплекс неполноценности "лиц еврейской национальности" при всем их материальном благополучии в условиях нынешней российской "демократии".

Опрос российских депутатов Государственной думы показал единодушное неприятие уголовной ответственности за отрицание Холокоста. По мнению российских парламентариев, эту проблему не следует выделять в ряду отрицания иных преступлений фашизма (вспомним "мирных советских граждан" в массовых захоронениях жертв "окончательного решения еврейского вопроса"). Внесенный в 2013 году законопроект такого рода принят не был, однако в апреле 2014-го был принят закон, предусматривающий до пяти лет заключения за реабилитацию нацизма и искажение роли СССР во Второй мировой войне. В тексте его предусмотрена и ответственность "за отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала". Криминализация различных видов исторического ревизионизма в первую очередь касается отрицания Холокоста, но, как правило, российские правоохранители не называют Холокост прямо. Несмотря на то, что в 2003 году тема Холокоста была включена в проект государственного стандарта исторического образования, в результате чего включение ее в учебники стало обязательным.

Наконец, в 2010-м был разработан единый учебный модуль по этой теме, опубликованы учебно-методические рекомендации для учителей по ее изучению, более того - вопросы о Холокосте включены в ЕГЭ, проводятся конкурсы работ учащихся и студентов. При всем том нельзя не согласиться с мнением известного московского социолога и литератора Бориса Дубина (покинувшего сей мир около четырех лет назад), что, несмотря на наличие немалого количества российских исторических трудов, посвященных Холокосту, и некоторых произведений искусства, "фактически Холокоста как темы в массовой российской культуре не существует, такого события просто нет", а его место занимает победа СССР в Великой Отечественной войне. Правда о которой, добавлю от себя, также фальсифицирована "патриотами" с георгиевской лентой на груди.

ЯЗЫК С НУЛЯ

Барух МЕЩЕРЯКОВ

Когда вы погружаетесь в изучение языка с нуля, первое время вы чувствуете себя идиотом. Живые люди так не говорят, не пишут, не думают. Кто мальчик? Я мальчик, а ты девочка. Девочка пьет. Это кот, кот пьет. Кто пьет? Кот. Это не собака. Утка плывет. Я иду, а она плывет.

Постепенно вы немножко осваиваетесь. Да, это безумный мир, но в нем есть своя логика. Вы неожиданно оказываетесь в мире черно-белого кинематографа. Люди ведут светские беседы и переговариваются. Я пью вино. Я читаю газету и пью вино. Он мой сын. Она моя дочь. Собака моих девочек ест сыр. Пока. Как ты? Я в порядке. Привет, у меня есть для вас несколько минут. Кто эти люди? Это я. Я мальчик. Слоны проходят мимо. Слоны пьют. Этот краб ест рис. Эта собака пьет воду. Эта собака пьет воду? Спасибо, я пью земляничный сок. Мы поддерживаем черные общины. Мы поддерживаем вас. Здесь есть газеты? Она читает. Он читает после обеда. Дети завтракают. Мой завтрак сыр.

Действие развивается. Каждый раз, когда он спит, я читаю книгу. У меня есть книга. У меня есть животное, это животное мышь. Мышь пьет воду, а слон пьет молоко. Где ваша собака? Моя собака ест рыбу. Медведь идет мимо. Это ваш медведь? Нет, говорите по-английски. Спасибо, у меня есть еда. Нарастает тревожность. Кто они? Они не мы. Я не мальчик, а мужчина. Женщины пьют и едят. Это мой плащ. У девочек есть шляпы. Мальчики носят брюки. Где мой костюм? Вот мой костюм, он серый. Это ваш костюм. Нет, это не мое, вот мое. У вас есть юбки? Мы делаем юбки, они красивые. Эти юбки слишком дорогие. Мне нужна английская газета. Это ваши дети? Они среди нас. Кто? Они, моя одежда, мои туфли, мои шляпы. Когда приходит этот автобус? Я мальчик, я здесь, а ты здесь?

Мир все больше и шире, но понятней не становится. Они трогают нашего медведя. У нас есть животные, это собаки и утки (а куда делась мышь?). Наши родители живут на ферме. Они живут на ферме круглый год. Утки не собаки. собаки не медведи. Медведи не слоны. Слоны проходят мимо. Кошки проходят мимо. Собаки пьют воду, их пища мясо. Мой кот ест птиц. Я

хочу поехать в город, где остановка автобуса? В нашем городе есть башня. Такие города всегда имеют центр. У моей сестры новая, красивая юбка. Юбка пестрая, а брюки серые. У нас есть костюм, он красивый. Слишком дорогая шляпа, у вас есть другие? Этот автобус не останавливается здесь, вы можете ехать поездом. В кафе есть официант. У вас есть пиво? Да, я ем это. Что это? Это курятина. Спасибо, у меня есть газета. Спасибо, я вегетарианец. Наши дети едят свинину, а их - вегетарианцы. Краб ест апельсин. Спасибо, у нас есть еда. У них есть вода? У этого мужчины есть яблочный сок. Они пьют земляничный сок, а мы пьем вино. Слишком дорогое вино. Слишком дорогие чемоданы. Нет, спасибо. Кони проходят мимо. Наш слон ест рис. Наша кошка ест хлеб. Наш медведь проходит мимо. Это большое здание. Большой и красивый центр города. В городе есть музеи. Какой это музей? Необходимо. Между тем. Временами. Каждый раз. Она читает ей ее книгу. Она пишет книгу. Он пишет книги. У вас есть книги? У моих детей есть книга, она красная. Это не красная книга. Это мясо? Я ем мясо, но не курятину.

Где я? Ты мальчик. Дети наших женщин. Наши женщины носят платья. У них есть юбки. У тебя есть костюм. У меня есть плащи. Когда он спит, я играю. Когда она читает, я ем. Когда он спит, она гуляет. Да, спасибо, это мой чемодан, да, я говорю по-английски. Я немец. Я итальянец. Он из Испании. Эта девушка из Китая. Говорите по-английски, пожалуйста. Да, это я. Пока и спокойной ночи. Наши лошади пьют, а ваши? Ешь свою еду. Ешь это. Они среди нас.

Спасибо, мне нравится ваша еда, но я отправляюсь спать. Пока и спокойной ночи. Пока, мы благодарим вас. Пока-пока. Я благодарю их. Она благодарит его. Он благодарит нас.

Наши лошади пьют, а ваши? Может быть, будущим летом.

ИЗ НЕИЗДАНЫХ РУКОПИСЕЙ

Лев Коган. Одесса. Начало XX века

Один из докладов на международном симпозиуме пушкинистов в Одессе (1977 г.), посвященный 160-летию со дня смерти А.С.Пушкина, сообщал о давней, написанной еще в предвоенные годы монографии "Пушкин в Одессе" - докторской (незащищенной) диссертации Льва Когана (см. "Судьба Льва и знаки Всевышнего", "Еврейский камертон", апрельский выпуск) создателя и бывшего заведующего кафедрой русской литературы Ленинградского библиотечного института. "К сожалению, - констатировала автор доклада, литературовед И.Чистова, - силу обстоятельств, от Когана не зависящих, эта его работа не вошла в научный оборот и до сих пор существует в виде единиц хранения одной из архивных коллекций Российской национальной библиотеки".

По замыслу Льва Когана это был первый шаг в создании (в перспективе - большим коллективом пушкиноведов) многотомной фундаментальной биографии Пушкина. Однако, как уже было сказано, необычайно интересный труд "существует в виде единицы хранения" - и, да простят меня пушкиноведы, дает пищу для ума только им. А надо бы опубликовать его для всеобщего обозрения.

На сегодняшний день самым известным трудом Льва Когана, "настойной книгой биографов А.Н.Островского", по утверждению Чистовой, считается "Летопись жизни и творчества

А.Н.Островского". Эту книгу и в самом деле знают многие, и не только маститые ученые, но и студенты-филологи.

Но сегодня мы поговорим о никем не упоминаемых (даже специалистами) "единицах хранения" - неизвестных рукописях Льва Когана. В своей статье о Когане, я привел эпиграмму, написанную им еще в Одессе. При публикации я оговорился и назвал видного литературоведа еще и поэтом. Но то, что казалось оговоркой, сегодня, как ни странно, получило подтверждение. Ныне в моих руках оказались и другие эпиграммы поэта Когана, написанные им в пору одесской юности. Вот что он думает по поводу своих поэтических опытов (из дневников, которые тоже не увидели свет. Как и монография о Пушкине).

"Писанье эпиграмм было моим любимейшим занятием. (...) Эти эпиграммы подчас бывали довольно соленые. Эти эпиграмматические упражнения помогли мне, кажется неплохо, перевести стихами "Адвоката Патлена", который с успехом шел на сцене, перепечатывался в театральных хрестоматиях и был расхвален Белецким.

На днях говорил с А.И. (Богуславск(им)) об эпиграммах. Когда-то и я был по этой части не промах, написал их множество, да почти все позабыл. Несколько все же помню.

Журналист "Одесских новостей" Ш.Ш.Шварц, маленький юркий человек, стал воен(ным) обозреват(елем) (в 1-ю мировую войну) и возмнил себя стратегом одновременно(но), умудряясь с удивительным проворством редактировать еврейскую газету два журнала:

*Хоть ростом мал, - велик умом.
Пророк военный без изъяна.
Он редактирует оптом
И для души, и для кармана.*

Покидая в 1927 году Одессу, я на прощание с товарищами по губполитпросвету написал целый сборник эпиграмм: "Пепешки на булавке" (пепе - п.п. - политпросветчики), который был размножен в двух десятках экз(емпляров), подарен товарищам и наделал шуму.

**Коцюбинский (сын писателя
-и.о.зав п.п.):**

*Поистине, его к делам примерно рвенье,
Решениям, речам, проектам краю нет.
С утра бывает с ним полит-просвет,
А к вечеру уже полит-затмение.*

Особенно доставалось от меня лекторскому бюро. Лекции по естественную читал врач-акушер Гольберг:

*Его лицо равно другим трем лицам,
Он весь как пухлый сладкий торт,
Он лекции читает роженицам,
А слушателям делает аборт.*

Антирелигиозные лекции читал самоуверенный и глупый лектор Верин, бывший помощник провизора. Он был очень румян и завел себе большую черную бороду, которую очень холил:

*Ах, совсем я не уверен,
Что умен румяный Верин.
Если ж ум и есть в нем где,
То, наверное, в бороде.*

Тонкий эстет Левенсон не принадлежал новейшей литературе. Был он человек меланхолический и замкнутый:

*Натура тонкая, эстет,
Хоть в оболочке очень хмурой,
Он любит нежный tete-a-tete
С немолодой литературой.*

Нет возможности в коротком предисловии к неизданным рукописям, привести все эпиграммы, записанные в дневниках Льва Когана, ибо следует написать и о других "единицах хранения". Этих (золотых, по моему мнению) единиц - около двухсот. В их число - кроме научных работ - входят письма, дневники, воспоминания... Очень жаль, что до сегодняшнего дня и эти работы не увидели свет. Биографов российских писателей должны были бы заинтересовать воспоминания Льва Когана. Стоило только прочесть первые страницы дневника, чтобы понять, какие находки ожидают исследователя. К слову, из воспоминаний Льва Когана о его встречах с А.И.Куприным

стало ясно, что некогда они одновременно были сотрудниками известной одесской газеты. На этом журналистском поприще и могли состояться удивительные встречи, которые описывает Лев Коган.

Но вернемся к уже опубликованным строчкам и фактам. В моей статье о Льве Когане некоторые эпизоды его жизни, например, гибель рукописей были описаны вскользь, так как ни его дочь, ни я не знали, какие именно работы остались (или пропали) во время войны в Эссентуках, когда Лев Коган налегке стал выбираться из города, к которому приближались войска Гитлера. Но сегодня можно привести запись самого автора (единица хранения №2):

"Адрес: Эссентуки, ул. Чкалова, 10. Яков Антонович и Ольга Гордейчук взяли на сохранение:

1. "Изгнание", роман - два тома в папках.
2. "Пушкин в Одессе", диссертация - 4 тома.
3. "Воспоминания" - 12 тетрадей.
4. "Комедиограф-пародист Семенов" - 2 экз.
5. Поэзия Маяковского - 1 т.
6. "Исторические и оборонные мотивы "Полтавы" Пушкина - 1 тетрадь.
7. Картотека и записи о драматургии XIX века.
8. Конспекты лекций.
- 9-10. Зимнее пальто и шапка, белье и два костюма".

Из этой записки можно сделать вывод (обратите внимание на 12 тетрадей "Воспоминаний"), что после войны автор стал восстанавливать свои мемуары. Что же касается уровня научных работ Льва Когана, то здесь я оставляю слово за специалистом - литературоведом И. Чистовой, которая на международном симпозиуме объявила следующее: "Все обозначенные выше особенности личности Льва Когана, нашли свое выражение в его монографии, написанной в своей историко-краеведческой части обстоятельно - так, как будто ее писал историк, в собственно филологической - высоко-профессионально - как должен писать специалист-литературовед, и в целом - изящно и увлекательно - как удаётся только талантливому прозаику".

Ян Топоровский

Лев КОГАН

Вторая половина августа. Раннее утро. В порту - благодать. У причалов сотни шаланд и дубков, заваленных горами арбузов, огромных тыков, желтых и розовых, круглых и продолговатых дынь, ярко-красных помидоров и досиня фиолетовых баклажанов, ведрами со сливами, корзинами с виноградом и кучами зеленого и красного перца. Все это добро, привозимое из Крыма, Бессарабии, Херсонщины. А подальше - узнаешь по запаху: рыба, чьи шаланды из Анатолии с блестящей чешуей скумбрией и огромными широкими камбалками.

Гвалта и галдеж: товар ждет своего покупателя, и покупатель тут же - фруктошки и рыбки все приготовили: и биндюги, и кор-

зины для нежных дынь, и бочки для слив, и садки для рыбы. А гвалт и галдеж из-за цен. Привоз огромный, значит - сбавит цену. Тут есть что посмотреть и послушать! В пылу негодования продавец может обругать покупателя совершенно невероятной, только что изобретенной бранью. Но это значит только одно: сейчас будет сбавлять цену.

На причальной чугунной тумбе сидит А.И.Куприн. Я тотчас узнал его, и то мельком.

Одет Куприн живописно. Легкий серый пиджачишко и такие же брюки основательно потрепаны и засалены. Под распахнутым пиджаком обычная матросская тельняшка.

А.И.КУПРИН

Турецкая феска с кисточкой почти съехала на затылок. На коленях у Куприна арбуз, от которого он складным карманным ножом режет большие ломти.

Он с жадностью всасывается в ярко-красную мякоть. Сок течет по усам, бороде, рукам, но он этого не замечает. Косточки выплевывает на мостовую, а корки ловко мечет в море. И как рот его жадно впитывает в себя арбузный сок, так же глаза жадно поглощают пеструю картину шаланд и дубков, и тихое синее с белыми пятнами море, красно-желтые пески Дофинки на той стороне одесского залива. И так же ухо его схватывает симфо-

нию портовой речи во всем своеобразии ее ритмов и диссонансов; ярких всплесков и мирных заключительных аккордов.

Хорошо. И в самом деле хорошо!

Прикончив с арбузом, Куприн подошел к водопроводному крану у одного из пакаузов, помыл руки, а потом, положив свою феску на канатный узел, стал энергично поливать себе голову, усы и бороду.

Утереться нечем было. Носовой платок? Куприн посмотрел на него и засмеялся.

- Солнышко высушит! - обнадежил проходивший биндюжник.

-И то! - согласился Куприн.

Куприн с наслаждением разглядывал хорошо знакомую ему картину, но, взглянув на часы, вдруг заторопился и с озабоченным

Александр Куприн
в гондоле воздушного шара

видом стал взбираться на Гаванную улицу. Таково было мое первое, чисто внешнее впечатление.

А.И.Куприн несколько раз приезжал в Одессу и жил здесь подолгу. Не помню уж точно, когда именно я с ним познакомился, но твердо помню, что это произошло в цирке в жюри чемпионата французской борьбы. Эти чемпионаты ежегодно устраивал известный импресарио Лебедев или, как его чаще звали "дядя Ваня". Он же был и главный судья, а жюри санкционировало или отвергало (что случалось редко) его решение. Куприн, большой любитель борьбы, неизменно восседал в жюри. Я же был рекомендован известным атлетом Пытлясинским, в гимнастической школе которого некоторое время учился, когда был студентом.

Борьба собирала множество публики, но ходили слухи, что чемпионат - чистейшее жульничество и результат каждой схватки заранее обуславливается между Лебедевым и борцами: кто будет победителем и на какой минуте, и даже каким приемом. От этого условия якобы освобождались только "мировые знаменитости", как Поддубный, Заикин, Лурих, Збышко-Цыганович. В подобных росказнях заключалась довольно большая часть истины, и жюри о ней знало. В конце концов - борьба была зрелищем, за которое публика платила деньги. Оставить его безрезультатным нельзя было, за самыми редкими исключениями. Поэтому именно в обусловленных случаях борцы старались применять наиболее эффектные приемы, красоту движений и поз, а тяжеловесы свою исполнительскую силу. Публике в конце концов безразлично, кто победит: голландец ли Ван-Рут или француз Роланд, ее прельщает самая борьба, мужественность и красота движений. Но в каждом чемпионате бывали и "дуэли", взаимовраждебные поединки, результат которых был немаловажен для борца: победить, скажем, Луриха, помимо славы, означает повышение оплаты. Если бы кто-нибудь одолел Поддубного или Заикина, он сразу стал бы знаменитостью. О предполагаемых "поединках" жюри, конечно, также знало. Они-то и вызывали у членов жюри особый интерес и особое беспокойство, в то время как обыкновенная публика скучала, видя, как острожно маневрируют ее любимцы, всегда быстрые и ловкие.

Помню такой случай. В составе чемпионата был общий любимец латыш Спудль. Даже злой и завистливый Збышко-Цыганович относился к нему хорошо. Небольшого роста,

А.И.Куприн-водолаз. 1909 г.

налитый мускулами, ловкий и изящный в борьбе, он и вне цирка умел держать себя с достоинством, почитывая газеты и книги, был безукоризненно вежлив со всеми.

Куприн очень любил Спудля и часто подолгу беседовал с ним.

И вот у Спудля состоялся поединок с другим приятелем Куприна - Заикиным. До тех пор оба борца еще не встречались на ковре. Спудль не рассчитывал положить Заикина на лопатки, его вполне устраивал ничейный результат: устоять положенное время против Заикина равносильно было большой победе. Заикин задумчиво глядел на Спудля и размышлял вслух:

- Меня-то он не положит. Это верно. А положу ли я его - вот вопрос.

Во время борьбы получилось положение, которое можно назвать "обратный пояс". Заикин стоял, крепко прижимая к себе Спудля за поясницу. Но головой Спудль был обращен к полу, а ногами пытался вырваться из железного объятия Заикина, который попробовал применить "мельницу". Но тут Спудль дернулся настолько сильно, что Заикин не удержал его, и Спудль грохнулся оземь и лишился сознания. Поднялся страшный переполох. Немедленно явился врач, вызвали карету скорой помощи, и Спудля отвезли в больницу. Оттуда сообщили, что у него сильная рвота и положение тяжелое.

- Ясное дело! - сказал Куприну цирковой врач. - Сотрясение мозга.

Заикин был в отчаянии и требовал, чтобы ему разрешили рассказать публике, как произошло несчастье. Ему разрешили. Этот богатый говорил прерывающимся голосом, со слезами на глазах. Жюри вынесло заключение, что Заикин в происшедшем не виноват.

В течение ближайших двух дней сведения из больницы поступали недостаточно удовлетворительные.

На третий вечер я встретился с Куприным и полукруглом фойе цирка.

- О Спудле есть сведения? - спросил я.

- Нет, из больницы не звонили. Боюсь, не кончилось бы это плохо.

Было еще рано, и мы пошли в контору к Лебедеву. Вдруг видим, навстречу нам идет Спудль, по обыкновению улыбающийся.

- Спудль! Это вы или ваш призрак! - воскликнул остолбеневший Куприн.

- Я сам. Живой Спудль!

- Как я рад,- говорил Куприн, пожимая руку Спудля. - А нам сообщали, что у вас сотрясение мозга.

Спудль совершенно серьезно ответил:

- Доктор сказал, что если бы у меня были мозги - то непременно было бы сотрясение.

Мы рассмеялись. Но Спудль серьезно разъярился:

- Он сказал еще, что для борца иметь в го-

Борец Иван Заикин поднимает
А.Куприна (справа) и А.Будищеву

лове мозги необязательно. Их может замесить какая-то каша.

Когда Спудль отошел, Куприн сказал:

- Ну, что это по-вашему? Глупость? Нет, Спудль совсем не глуп. Он простодушен. Он медленно соображает, а когда поймет шутку врача, перестанет ее повторять и сам посмеется. Люблю простодушных людей. Актеры говорят обо мне, что я их не люблю. Это верно. Не люблю. Они всегда лгут, всегда играют, даже когда спят, уверяю вас. Пьянчуги! Не мне бы их укорять в этом: сам пью и не могу избавиться от этого проклятья, но они притом хвастают и лгут без зазрения совести. А посмотрите на этих (около кулисы собрались уже все участники первого отделения). Не найдете ни одного пьяного, разве клоун какой-нибудь "для храбрости" пропустит рюмочку. Каждый знает, что неточное движение и на всю жизнь калека, если не разобьешься насмерть. Тут все рассчитано с математической точностью (попробуйте-ка сделать сальто на скачущей лошади!), а там - нутро, настроение и еще черт знает что. Оттого здесь люди хоть и проще, но и простодушнее, здесь семья ценят больше, чем у актеров. И здесь сила, красота, ловкость. Никогда никакому актеру не доверил бы своей жизни, а вот ему (он кивнул головой на Заикина) доверил.

Незадолго до того Куприн перелетел на самолете одесский залив. Увлечись примером Уточкина, Заикин летал на "фармане", который нынче увидеть можно только в музее.

В те годы такой полет казался безумной смелостью. Когда Блерио на своем аппарате перелетел Ла-Манш, это считалось героическим подвигом. А тут вдруг Куприн навязался пассажиром! Правда, перелет закончил всего за несколько минут, а в заливе дежурили скоростные лодки, но все же предприятие казалось небезопасным, и друзья всячески уговаривали Куприна не рисковать. И тем не менее он полетел. Смешно теперь вспоминать, как приспособляли рядом с летчиком скамеечку для пассажира, одновременно облегчая вес самолета, как усаживали Куприна в больших автомобильных очках и привязывали, чтобы не свалился.

Чемпионат борьбы закончился, и я редко после этого встречался с Куприным. Литературно-арт(истическое) общество он не жаловал, да и что там было делать летом?

Он зато часто бывал на даче у А.М.Федорова и чувствовал себя там вольготно, хотя и приходилось принаряжаться, так как у гостеприимного хозяина особенно в летнее виноградное время, бывало немало гостей.

По моим наблюдениям, Куприн, если мог,

избегал разговоров о литературе и очень не любил говорить о своих произведениях. Один только раз, зная о моих связях с общественными библиотеками, он доверительно попросил меня собрать ему сведения о читаемости "Гранатового браслета" и, если возможно, несколько читательских отзывов.

О Куприне говорили, что он ведет в Одессе очень разгульную жизнь. Как понимать "разгульную"? Его не раз видели таким, каким я впервые увидел его в порту, в кабаках и ночных притонах, особенно на Сабанеевом спуске. Здесь появиться незнакомому человеку было опасно: могли не только ограбить, но и подколоть. Но Александра Ивановича тут знали все. С ним приятелями были и пропойцы-биндюжники, и "босьяки", и воры, и проститутки. Сколько загубленных жизней он видел тут, и сколько странных историй слышал! Я это понял, только прочтя его страшную "Яму".

И вот здесь-то, на самом дне, он находил "простодушных" людей, и в каждом из них искал и находил человека. А найдя его, он слушал очередную историю гибели души, искривлений и увечий психики, не забывая при том что перед ним человек. Он доверчиво относился к нему, и тот отвечал таким же доверием. Сложность и противоречивость общественных отношений явилась Куприну через судьбы этих отдельных людей, откуда такой подчеркнутый психологический подход писателя к своим персонажам. Я думаю, что в этих образах много портретности, но Куприн очень строго отбирал эти портреты. Он наблюдал жизнь в самых различных аспектах и постоянно искал новые ракурсы, которые давали бы новые светотени от показа человека и жизни. Не фанфаронством, не желанием легкой славы был, по-моему, его полет через одесский залив, его наблюдения над морем и над людским дном во время полета.

Он опускался в скафандре на морское дно в царство молчания со своими извечными законами и жизнью, не похожей на земную, тоже не ради сомнительной славы писателя-штукаря. Для него это был новый мир. В этих поисках у него бывали крупные удачи, случались и поражения вроде олеографической "Суламифи". Это ведь тоже своеобразный ракурс - мифологический. Куприн доказал, что творить миф в наше время - невозможно.

Как бы то ни было, но мне представляется, что творческий процесс у Куприна всегда шел от какой-нибудь "простой души" и приводил к катастрофическим событиям в различные моменты жизни той души.

К этому стоит добавить, что Куприн - первокурсный колорист. Таких описаний, как у него, в новейшей нашей литературе найдется немного. Даже Бунин со своими великолепными "Антоновскими яблоками" уступает ему.

Есть у Куприна очерк "В лесной глуши", почему-то забытый и критикой, и читателями. Под этим очерком охотно бы поставили свои подписи Тургенев и Чехов.

Но сам Куприн относился очень требовательно и критически к своим произведениям.

Когда однажды у А.М.Федорова С. Юшкевич назвал Александра Ивановича законным наследником Чехова, Куприн возмущенно закричал:

- Это - кощунство!

МАРК ВЧЕРУШАНСКИЙ - ХУДОЖНИК И ЧЕЛОВЕК

В эти дни выходит в свет книга, посвященная искусству видного российско-израильского художника Марка Михайловича Вчерушанского (1934-2009). Он остался в памяти как живописец незаурядного дарования, на всю жизнь сохранивший верность самым высоким традициям российского реалистического искусства. Хотя он регулярно покупал - и тщательно изучал - альбомы художников, творивших в самых разных стилях и направлениях, сам он, невзирая ни на какие жизненные обстоятельства, продолжал нести ту свечу, которую получил из рук своих учителей, помнивших заветы Ильи Репина и Валентина Серова. Однако этими заветами его искусство не ограничивалось... Наряду с Андреем Васнецовым, Виктором Попковым, Таиром Салаховым, Павлом Никоновым и некоторыми другими ныне хорошо известными живописцами Марк Вчерушанский должен быть по праву назван одним из основоположников "сурового стиля" - традиции, возникшей в годы хрущевской "оттепели" и доказавшей, что подлинный реализм не имеет ничего общего с тем, что называлось таковым в период "культы личности". Изображая людей трудной профессии - рыбаков, среди которых он на протяжении трех лет ежегодно проводил несколько месяцев на побережье Азовского моря, подчеркивая их волю и тяжелый труд, Марк Вчерушанский не только обессмертил этих "анонимных" мужчин, но и побуждал зрителей своих полотен по-новому задумываться о трудностях, которые преодолевали они сами.

Марк родился 30 октября 1934 года в Киеве в семье Михаила Абрамовича Израильского и Надежды Марковны Гринберг. Ему было семь лет, когда началась Великая Отечественная война. Отец ушел на фронт - и больше Марк его никогда не видел и очень мало что о нем помнил. Спустя три года пришло известие, что "боец Красной армии Израильский Михаил Абрамович пропал без вести 6 февраля 1944 года".

Когда немцы приближались к Киеву, Марик с матерью и ее двоюродной сестрой Соней Наровлянской (1891-1967) успели бежать. Они переезжали из города в город, где-то останавливались на какое-то время, ехали дальше: вся страна тогда была в движении, и найти место в поезде, который двигался на восток, было очень, очень трудно. На одном из таких переездов мать Марка вышла на полустанке, чтобы достать себе и ребенку горячей воды, но поезд неожиданно тронулся и уехал. Надежда Марковна осталась на станции без денег, без документов, без каких-либо вещей!.. Ни телефонов, ни справочной на той станции не было, а место назначения поезда, в котором остались Марк, которому еще не исполнилось и семи лет, и его тетя Соня, никто не знал. Прошло много месяцев, пока Надежде Марковне чудом удалось найти своих сына и сестру в городе Курган в Западной Сибири. Марк не помнил, как произошла их встреча, когда мать после бесконечных волнений и страданий их нашла, но он рассказывал, что она была очень исхудавшая и сильно болела.

12 марта 1944 года Надежда Марковна умерла. В девять с половиной лет Марк остался сиротой. Много лет спустя он вспоминал: "Был весенний солнечный день, таяли сосульки. Земля была очень твердая, заледеневшая. Мы похоронили маму и воткнули в землю колышек с дощечкой, на которой было ее имя". Точное место могилы, к сожалению, неизвестно; много лет Марк страдал из-

за того, что не может положить цветы ни на могилу матери, ни на могилу отца. Тетя Соня стала его опекуном, и вместе они вернулись в Киев в 1945 году.

Оказалось, что и дом, где жила до войны тетя Соня, и дом, где жили Марк с родителями, были разрушены, и жить им было совершенно негде. Они какое-то время снимали "угол", а затем купили маленькую комнатку площадью меньше пяти квадратных метров в доме номер 27 по Институтской улице. В этой комнатке прошли отроческие и юношеские годы Марка. Дверь комнаты на ночь открывали, иначе для раскладной кровати Марка просто не было места...

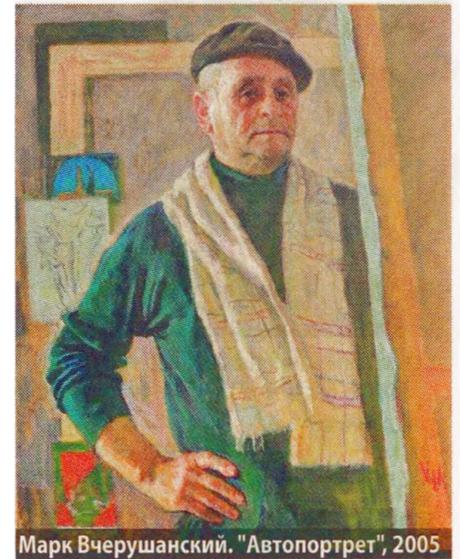
По воле судьбы сосед по квартире, который был намного старше Марка, учился в художественной школе. Марк видел его работы - и ему захотелось попробовать рисовать самому. Он взял у соседа бумагу и карандаши, и за последующие почти семьдесят лет его жизни с этим занятием больше никогда не расставался. Тяжелая жизнь и безрадостное отрочество как будто отступили, он их больше не замечал. Рисование стало его радостью, стало способом узнавания и любования окружающим миром, природой, людьми, стало способом его самовыражения - говорить он не любил. Он прошел вступительные экзамены и был принят в художественную школу имени Т.Г.Шевченко, сразу в пятый класс.

В школе он подружился с ребятами, некоторые из которых остались его друзьями на всю жизнь. Один из них - Давид Львович Боровский (1934-2006); последний раз мы встречались с ним незадолго до его смерти, в 2005 году, в Будапеште, куда он приехал с оформленным им спектаклем петербургского Малого драматического театра "Дядя Ваня" по пьесе А.П.Чехова. Это был выдающийся художник-сценограф, получивший признание во всем мире, общение с которым было очень значимым для Марка на протя-

жении всех шестидесяти лет их дружбы. Были и другие замечательные ребята, такие как Вадим Николаевич Игнатов (1934-2016), Юрий Григорьевич Муллер (1933-2008) и другие, общение с которыми компенсировало Марку недостающую семью, родительский совет, братьев и сестер. Все жили бедно, но были молоды, и занятие любимым делом радовало и наполняло их жизнь смыслом. Окончив художественную школу, Марк твердо знал, что хочет продолжать учебу в институте и навсегда связать свою жизнь с искусством, однако с его фамилией - Израильский - поступить ему было очень трудно. Когда же, наконец, в 1958 году ему поступить в художественный вуз удалось, то продержался он там полгода, будучи исключенным за срыв политзанятий. Это стало для Марка тяжелой травмой, и прошли годы, пока он сумел ее преодолеть.

Невозможно найти кого-либо, кто знал бы Марка лучше, чем знала его Лилия - его муза и спутница на протяжении почти полувека! Мы, поэтому, чрезвычайно признательны Лилии Львовне Вчерушанской за воспоминания, которые смогли записать с ее слов

Исключение из института не поколебало стремление Марка стать художником. Он три года работал в Киевском товариществе художников, чтобы заработать денег на поездку в Москву. В 1961 году он отправился в Москву, где с первого раза поступил в лучшее учебное заведение, о котором только мог мечтать - Художественный институт имени В.И.Сурикова. Началось счастливое время: учеба в лучшем художественном вузе страны, в демократической атмосфере "оттепели", новые друзья, неформальное общение с преподавателями и профессорами. Марк с жадностью впитывал в себя недополученное им в военном детстве: библиотеки, театры, кино, беседы и споры с друзьями... С одной стипендии прожить в Москве было невозможно, и на лето Марк возвращался в Киев, чтобы подзаработать, однако всегда рвался вернуться в Москву. Его итоговой работой в институте стала картина "Сын", которая была высоко оценена; в 1967 году Марк получил в Суриковском институте диплом "художника-живописца".

Марк Вчерушанский. "Автопортрет", 2005

Как раз тогда и произошла наша случайная встреча. Мы поженились 13 октября 1967 года. Так как из-за Шестидневной войны, случившейся как раз в год нашего брака, Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем, а отношение к этой стране в советской прессе ухудшалось день ото дня, то у нашей семьи практически не было выбора, кроме как всем взять мою фамилию; так Марк стал Вчерушанским... Через год, 30 октября 1968 года, родился наш сын Миша, и Марк был по-настоящему счастлив.

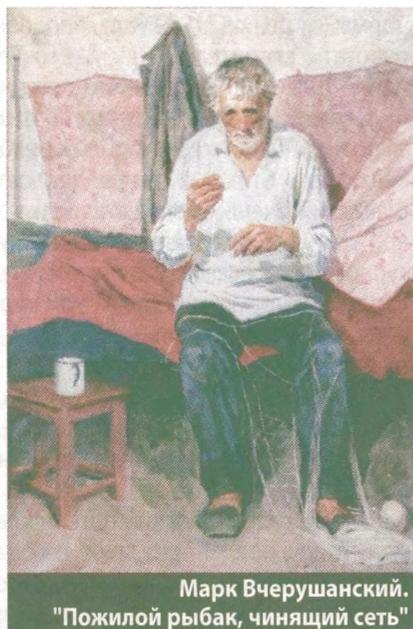
После окончания института Марк успел выполнить заказ от художественного комбината на два больших панно; на полученные деньги нам удалось купить отдельную квартиру в Москве. Дом был построен в 1970 году, а до тех пор мы жили с моей мамой.

В тот же день, что родился наш сын, Марка приняли по конкурсу в творческую мастерскую Академии художеств, в студию выдающегося художника Гелия Михайловича Коржева (1925-2012). Марк был ему не столько учеником, сколько соратником, у них были схожие взгляды на искусство... Академия художеств платила зарплату, давала все материалы, оплачивала летние поездки для сбора впечатлений и фактуры для создания будущих картин. Творческая мастерская позволяла полностью погрузиться в мир искусства, не думая о заработке.

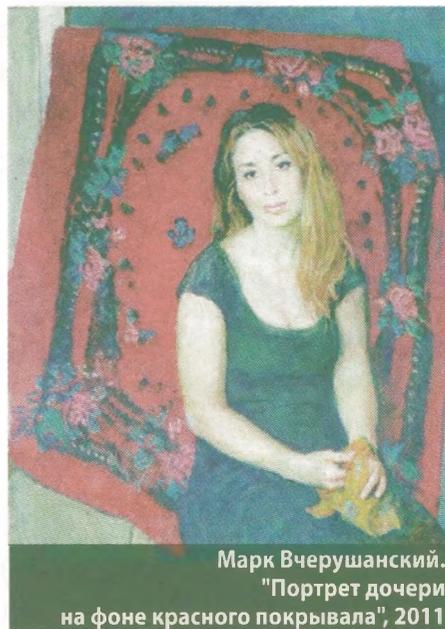
Когда Марк работал над новой картиной, я его практически не видела, а летом он два года подряд - в 1969 и 1970 годах - уезжал на сбор материалов на Азовское море. Впечатления от этих поездок, жизни среди рыбаков и от общения с ними наложили неизгладимый след на все его творчество. Главным итогом работы в мастерской Г.М.Коржева стала картина "Ожидание", которую Марк закончил в 1971 году. Она была высоко оценена и в июле 1972 года была репродуцирована на цветной вклейке в журнале "Огонек", выходившем тогда более чем двух-

Марк Вчерушанский.
"Лиля в молодые годы.
Портрет супруги художника", 2010

Марк Вчерушанский.
"Пожилой рыбак, чинящий сеть"

Марк Вчерушанский.
"Портрет дочери
на фоне красного покрывала", 2011

миллионным тиражом. За это произведение Марк не только получил красный диплом Академии художеств, но и договор на еще одну работу, в результате чего в 1973 году он написал картину "Передышка" (по подписанному с Академией договору, работа называлась "В дни войны"); она находится в собрании Российской академии художеств - у нас, к сожалению, осталась только ее черно-белая фотография.

Война Судного дня в октябре 1973 года, в ходе которой Израиль был атакован войсками из Сирии и Египта, драматичным образом повлияла на испытываемое нами чувство солидарности с еврейским государством. Мы задумались об отъезде в Израиль, воссоединением со своим народом на исторической родине. В октябре 1975 года уехали мои родители, а мы втроем с Марком и нашим сыном смогли уехать в февраль 1976 года. Почти все картины Марка и его многочисленные рисунки пропали, удалось вывезти только несколько особенно близких сердцу портретов и этюдов. В те годы художники должны были платить пошлину за вывоз из Советского Союза ими самими созданных картин. На это было нужно много денег, которых у нас не было...

Чем больше человек впитал в себя знаний во время учебы и работы, чем глубже они проникли в него, тем сложнее ему перебраться на новом месте. Все годы Марк трепетно относился к учебе, виртуозно овладев основами русской художественной школы и, обходя стороной политические конфликты и проблемы, находил в своей работе глубокое удовлетворение, стремясь все время совершенствовать свое профессиональное мастерство. В отличие от тех, кто пытался объявить традицию высокого реалистического искусства неактуальной и даже устаревшей, Марк чувствовал, что только в ней и может выразить себя. Боясь быть обвиненными во вторичности и отсталости, израильские художники стремились поспевать за американской модой тогда, когда она еще не успевала укрепиться в самой Америке. Талантливые художники, приехавшие из Советского Союза в те годы, редко когда находили общий язык со своими израильскими коллегами; прошло много лет, пока эта ситуация начала меняться.

Марк был не единственным, кто словно потерял почву под ногами. Он, естественно, очень переживал из-за этого, ибо каждому

художнику совершенно необходима встреча со зрителем, которой как раз он оказался лишен. И все же Марк решил сохранить верность своему внутреннему голосу. "Изменяться под моду, которая мне не близка, создавать работы, в которые сам я не верю, я не в состоянии. Это как начать писать стихи на чужом языке: нет ни достаточно слов, ни понятий, - говорил он тем, кто спрашивал, почему его работы не экспонируются на выставках. - Я продолжу работать по мере возможности, а там видно будет. Будут мои работы выставляться - хорошо, а нет - ну, значит, их время придет позже, но изменять себе просто ради того, чтобы подписанное моим именем, но по духу совсем не мое полотно где-то повисело, и о нем, может, написали три строчки в газете - нет, на это я не пойду".

Процесс вживания в новую почву, конечно, начался, но шел он очень медленно. Мало того, что Марка не приглашали участвовать в достойных его таланта выставках, у него не было своей студии - ни в Атлите, где мы прожили первые полгода нашей израильской жизни, ни в Петах-Тикве; он оказался лишенным общения с понимавшими его соратниками по ремеслу. В 1979 году прошла его персональная выставка в Рамат-Гане, но следующей пришлось ждать двадцать лет!

В 1986 году наш сын Миша был призван в Армию обороны Израиля, и в том же году родилась дочь Нета - в жизнь влилась новая струя обновления и радости. Дом озарился новым светом, Марк очень любил дочь, всегда с удовольствием писал ее портреты.

В конце 1980-х годов Марк узнал о существовании поселка художников Са-Нур, созданного выходцами из Советского Союза в Самарии. Там за небольшие деньги можно было снять домик, где жизнь естественным образом совмещалась с творчеством. Это была фактически коммуна художников, где Марк впервые за все годы жизни в Израиле чувствовал, что попал в среду единомышленников. С 1977 по 1999 годы он работал учителем рисования в школе, созданной на средства Федерации еврейских женщин Франции, поэтому в Са-Нуре он мог оставаться лишь на два-три дня в неделю. К сожалению, из-за разгула арабского террора добираться в Са-Нур становилось все опаснее и опаснее, у нас же была маленькая дочь, которая еще даже не ходила в школу. Однажды у нас застряла по дороге машина - и, как это предписано полисом, мы вызвали эвакуатор,

который, однако, страховая компания отказалась нам выслать, указав, что данный район "повышенной опасности" сервисом не обслуживается. У Марка не осталось иного выбора, кроме как покинуть Са-Нур, который просуществовал в качестве поселка художников до 2005 года, когда он был разрушен израильским правительством в ходе реализации так называемой "программы размежевания".

Мы тогда жили в городе Петах-Тиква, в небольшой двухкомнатной квартире, и места работать дома у Марка не было. В 1997 году мы переехали в город Модиин - в двухэтажную квартиру, где Марк обрел свою прекрасную студию, и у него, наконец, появились все условия для продуктивной творческой работы. Именно там Марк открыл для себя израильскую природу, ее красоту, свет и цвет. Марк годами искал и находил в Израиле горячо любимый им русский пейзаж - и где бы он не работал, как бы далеко от России ни находились запечатленные им леса и холмы, они все равно выглядели так, как в средней полосе России. Яркость новых мест покорила его, и все последующие годы он воспевал Израиль таким, каким его по-новому увидел и полюбил.

В 2000-е годы Марк участвовал в групповых выставках художников Модиина, а также в экспозициях, организованных Объединением профессиональных художников Израиля. Через несколько лет он почувствовал, что готов к организации своей персональной выставки. Вначале она прошла во Дворце культуры в Модиине, а затем и в Доме художников в Тель-Авиве; обе эти выставки состоялись в 2009 году. Работы для них отбирала видный искусствовед, выпускница Сорбонны профессор Гила Балас; она же выступила на вернисаже, отметив большой вклад, который Марк вносит своим творчеством в израильское искусство.

Именно на вернисаже в Тель-Авиве Марк познакомился с израильским художником и скульптором, уроженцем Иерусалима Ювалем Пеледом (1950-2014). Юваль собирал группу художников, чтобы совместно открыть галерею в Тель-Авиве, свободную от влияния дельцов и махинаторов от искусства. Эта идея оказалась очень близка сердцу Марка, который сразу же присоединился к этой инициативе; среди 23 художников, привлеченных Ювалем Пеледом, четверо были выходцами из Советского Союза. Для Марка

это было счастливое время: общение с коллегами по ремеслу, дружественная атмосфера, сменявшие друг друга выставки, вернисажи и обсуждения. Галерея "Красный дом" продержалась четыре года; к сожалению, Юваль Пелед пережил Марка менее чем на год, и после его кончины эта инициатива прекратила свое существование. Марк успел провести в "Красном доме" три персональные выставки: в 2010, 2011 и в 2012 годах. Таким образом, пусть и с опозданием, Марк постепенно стал получать то признание, которого был, безусловно, достоин. Не случайно сам Марк говорил, что в группе художников, объединившихся в галерею "Красный дом", он не только нашел друзей, уважение и доброе отношение, но и "заново обрел себя". Марк никогда не стремился к коммерческому успеху, ему были важны не продажи, а общение с коллегами, атмосфера выставочных вернисажей. Он не любил расставаться со своими работами, так как почти все, что он сделал до отъезда в Израиль, пропало. "Мои работы - это мое лицо, и когда я что-то продаю, то лишаясь части себя самого", - говорил он.

На последнюю выставку Марка я пригласила Гидеона Офрата. Мне хотелось, чтобы этот известный и очень уважаемый в Израиле искусствовед дал оценку творчеству Марка. После выставки 17 и 19 октября 2012 года я получила от него два письма. В первом из них, в частности, говорилось: "Марк - настоящий художник, обладающий незаурядными способностями в сфере реалистического искусства... Его работы - важное послание ценителям подлинной живописи. В своих зарисовках, акварелях и на холстах Марк запечатлевает людей и пейзажи так, как в наших краях делать уже разучились. Его произведения отличают подлинность, гуманистическая открытость и жажда жизни, его искусство обращено и к человеку, и к живой природе. Наша обездоленная постмодернистская культура забыла о фундаментальной связи между искусством и человеком, и произведения Марка возвращают нас к этим первоначальным переживаниям, не говоря уже о его виртуозном техническом мастерстве. Я благодарен Вам за предоставленную мне возможность увидеть работы Вашего мужа, и желаю ему самого крепкого здоровья".

Во втором письме Гидеон Офрат отмечал: "Как только я вошел в галерею, то сразу понял, каким незаурядным в своем роде художником является Марк. Буквально за два дня до этого, я вернулся из Санкт-Петербурга и мог отчетливо видеть, насколько пейзажи Марка не уступают представленным в Русском музее работам Исаака Левитана, а его импрессионистские портреты - экспонируемым там же работам Валентина Серова. Его графика и акварели по-настоящему замечательны. Работы такого уровня крайне редко встретишь в наших краях".

В августе 2013 года Марка не стало; до его 79-летия оставалось еще два месяца. Он похоронен на кладбище в Модиине, среди пейзажей, так вдохновенно и лирично им воспетых. Мы прожили вместе, не расставаясь, сорок шесть лет, вырастили замечательных сына и дочь, и сейчас растут четыре наших внука. В них, как и в его искусстве, продолжается жизнь Марка...

Литературная запись
Алека Д. Эпштейна

Окончание. Начало на стр.1

ревести абсолютно все, что написано на русском. "А как бы ты перевел простое слово культура?" Шлэнский ответил, что само это слово переведено с иврита: коль а-тора (вся Тора). А иллюзия? - Илу зэ айа, - мигом парировал Шлэнский (Да было ли это?). - А как бы ты перевел выражение: "Начал за здравие, кончил за упокой"? - "итхил бэ-киддуш, гамар бэ-каддиш" (киддуш - праздничная, каддиш - заупокойная молитвы). Примеров было больше, они забылись. Много лет спустя я листала внушительный по размеру словарь неологизмов Шлэнского - "Милон хидушей Шлэнски" (составитель Яков Кнаани), и удивилась, что такие привычные сегодня слова, как дукрав - дуэль, поединок, или дусиях - диалог - тоже созданы Шлэнским, впрочем, как и аһиль - абажур, литуф - ласка, поглаживание, маноя - мотор, мирдав - погоня и много других слов. Но уже первые примеры Цви Арада поразили меня необычайно. И тогда захотелось узнать о Шлэнском больше.

Авраам Шлэнский родился в 1900 г. в украинской деревне на Днепре, в Крюкове, возле Кременчуга. Но пусть он сам о себе расскажет (отрывок из книги Г.Ярдени "16 бесед с писателями", 1961): "Я родился, к счастью или к несчастью, в эпоху, когда личная дата явилась и датой всемирной. Когда я родился, начался век прекрасный и проклятый, век XX; в 5 лет, в переходном возрасте - от младенчества к детству, в России произошла первая революция, революция 1905 года, а с ней и вслед за ней - еврейские погромы. Когда я стал подростком, то есть в 13-14 лет, а по еврейской традиции - это возраст, когда берут на себя взрослые обязанности гражданина, возраст бар-мицвы, - вспыхнула Первая мировая война; в 17-18 лет, когда подросток превратился в юношу, - революция 1917-1918 годов и снова погром. На 21-й год - века XX и моей жизни, в пору зрелости - выпала главная дата - дата дат моего поколения: алия в Эрец-Исраэль, именуемая 3-й алией - и тот факт, что ступени развития личного, интимного, совпали с развитием и подъемом всего мира, определил и мою судьбу, и судьбу всего моего поколения, наше мышление, наши песни".

Один дед будущего поэта был из хабдников, он редактировал молитвенник главного раввина Екатеринослава, Шнеура Залмана из Ляд. Другой же дед, со стороны отца, был далек от еврейской традиции, он демонстративно ушел жить в сарай, полный только светской литературы. Детям запретили ходить в этот сарай, поэтому Авраам - бунтарь с младых ногтей - пропадавал у деда-отступника дни и ночи.

В 12 лет мальчик держал в руках свою первую публикацию, набранную (ой, как здорово!) - типографской краской... "Учу иврит, - читал он маме свое письмо в редакцию, - уже читаю из Ваикры (3-я книга Торы). После праздника Суккот еду в Эрец-Исраэль. И я надеюсь, что вскорости сойдем на нас покой, и что избавитель приведет нас всех в Землю Обетованную".

Через год он действительно отправляется один в Эрец-Исраэль, добирается

до Тель-Авива и поступает в гимназию "Герцлия". Когда мечта осуществлена, суть ее как-то тускнеет. В Тель-Авиве он не столько учился, сколько играл в футбол. Он еще не умел четко сформулировать черты своего характера, понять свои способности, но, схватывая все молниеносно, просто не в состоянии был сидеть и скучать... Вот огромная шевелюра над огромным лбом мыслителя летает над футбольным полем - чуть ли не быстрее самого мяча, а потом, с той же отдачей, он читает, он размышляет и пишет сам. Так появляются первые публикации в ученическом журнале "Таль шахарит" ("Утренняя роса"). Слава футболиста и слава поэта в 13 лет! Но началась Первая мировая война, и подросток вернулся домой, в Россию, в Екатеринослав, где жили тогда родители, брат и сестры. Учится в эвакуированной из Вильнюса гимназии Коэна. Вместе с товарищем они организовали группу из 15 человек, обязавшихся отвечать на все вопросы в классе только на иврите ("рак иврит", а учеба велась на русском языке). Создали "Комиссию языка иврит" для определения терминов на иврите. На иврите выпускали и стенную газету. Кто-то послал его стихи в журнал "Шилоах", и редактор, д-р Иосеф Клаузнер, напечатал их. Шлэнский вступает в молодежные сионистские организации "Цаирей Цион" и "А-Халуц". Пытался уехать в Эрец-Исраэль, но Авраама Шлэнского, великого сиониста, великого реформатора языка иврит, насаждавшего его среди молодежи, светило поэзии Израиля - в Эрец-Исраэль не пустили! Новая попытка удалась только в 1921 г. Шлэнский оказался в стране его мечты и тут же включился в работу. Что он умел? Строить. Прокладывал дорогу из Афулы в Нацерет, работал на строительстве дорог в Хайфе и Тель-Авиве, копал водоемы для саженцев. Он был халуц - первопроходец - и таким себя ощущал. Но... Когда его стихи опубликовали в газете, товарищи устроили ему obstruction, типа бойкота, ведь котировалось только дело твоих рук, физический труд на благо страны, остальное, в том числе и сочинительство, было предосудительным, преступным отклонением от

нормы, от цели. С 1922 года, продолжая работать строителем, но уже в Тель-Авиве, Шлэнский печатается постоянно.

Первая книжка. Вторая. Издание журналов. Одного за другим. Переводы. Редактура. Стихи и пьесы для детей. Шлэнский очень быстро стал центральной фигурой всего литературно-культурного процесса в строящемся государстве. Велика его доля в этом строительстве - и в буквальном смысле, но, главное, в духовном...

Шлэнский переводил с русского, с идиша, с немецкого, французского, английского. Список переводов бесконечный...

В 1970 году Шлэнский потерял свою жену Миру, преданного друга и помощницу. Ей читалась каждая новая строка. С ней было мирно, покойно. Накануне вечером они с Мирой были в гостях, вернулись домой, выпили, как обычно, по стакану чая. А ночью Мира умерла. Во сне...

В один год с ней ушли и самые близкие ему по духу поэты и друзья - Лей Гольдберг и Натан Альтерман...

Шлэнского уже давно не было в живых, а он не переставал удивлять... И не перестает!

Давайте хотя бы на минутку откроем роман в стихах А.Пушкина "Евгений Онегин" - и оригинал и перевод Шлэнского, это так интересно. Помните "Песню девушек": "Девуцы, красавицы, Душеньки, подруженьки, / Разыграйтесь, девушки, Разгуляйтесь, милые! Затяните песенку, / Песенку заветную, / Заманите молодца / К хороводу нашему...". Нет ничего проще дословно перевести первые строчки на иврит: "Бэтулот, йафот тоар, нилваот, раайот" - синонимов на иврите много, но... Исчезли только музыка и фольклорный лад. Шлэнский переводит: "НаарА, аЕлет-хен / РаайЯ, хавЕрэт лан / АламОт, холЕлу-на / ХамудОт, холЕлу-на!". Это уже поэзия! Мы слышим, как это звучит в опере на музыку П.Чайковского. И это можно петь на иврите! Мы, действительно разбрасываемся эпитетом "гениально", но это ведь гениально?

Если бы Шлэнский за всю свою жизнь не сделал ничего другого, а всего лишь дал жизнь поэме Руставели на иврите в переводе Дова (Бориса) Гапонова, и тогда его имя осталось бы в израильской культуре... Как Шлэнский открыл для себя и своих соплеменников и гениального грузина Руставели, и гениального кутаисского поэта-переводчика Гапонова, как встретил его в Израиле и пытался помочь ему жить - повторюсь, вся эта история - уровня шекспировской трагедии! У меня это описано в очерках о Гапонове, о друге Шлэнского - Аврааме Белове, скажу только, что специальный том в 10-томном собрании сочинений Авраама Шлэнского носит название "Письма евреям Советского Союза". И по этим письмам (500 страниц!) видно, и с какой страстью работал сам Шлэнский, и как погонял "своих советских евреев" - того же А.Белова и многих других, ставя перед ними "безумные задачи" и задавая им иногда самые невероятные вопросы... Благодаря друзьям Шлэнский

связался и с вдовой Пришвина, написав ей, что переводил его повесть "Женьшень" и что "философическая поэзия, характеризующая дух творчества покойного Михаила Михайловича, близка духу древне-юного языка иврит!"... Это уже по нашей теме.

Изданную в 1934 году повесть Михаила Пришвина "Женьшень" ("Корень жизни") Шлэнский переводил давным-давно, но очарованный образом героини так и пронес его в своем сердце до конца... Тут необходим отрывок из повести: "...Из укромного места в зарослях маньчжурского ореха и дикого винограда довелось мне увидеть чудо приморской тайги - самку пятнистого оленя Хуа-лу (Цветок-олень), как называют ее китайцы. Ее тонкие ноги с миниатюрными крепкими копытцами оказались так близко, что можно было схватить животное и связать. Но голос человека, ценящего красоту, понимающего ее хрупкость, заглушил голос охотника. Ведь прекрасное мгновение можно сохранить, если только не прикасаться к нему руками. Это понял родившийся во мне едва ли не в эти мгновения новый человек. Почти сразу же, будто в награду за победу над охотником в себе, я увидел на морском берегу женщину с привезшего переселенцев парохода... Глаза ее были точь-в-точь как у Хуа-лу, и вся она как бы утверждала собой нераздельность правды и красоты... я рассказал ей о встрече с Хуа-лу и как преодолел искушение схватить ее, а олень-цветок как бы в награду обернулся царевой, прибывшей стоящим в бухте парходом. Ответом на это признание был огонь в глазах, пламенный румянец и полузакрытые глаза..."

Вот почему Шлэнский называл Дору Тейтельбойм таким странным именем - "Хуа-Лу". И поэтому же у него возник цикл стихов "Из песен Хуа-Лу".

Есть в повести еще одна фраза, которая, как мне кажется, объяснила поэту состояние собственной души, встретившей большую любовь в конце пути. И он способен "преодолеть границы самого себя и самому раскрыться в другом".

Однако чуть подробнее о Доре Тейтельбойм. Талантливая еврейская поэтесса. Родилась в Брест-Литовске (ныне Беларусь) в 1914 г., скончалась в Париже в 1992 г. Идиш знала с детства, и он стал языком ее творчества. В 1932 г. вместе с семьей Дора эмигрировала в Америку. Жили в Нью-Йорке, в бедном квартале Гарлема... Многие годы она проработала швеей в мастерской по изготовлению шляп. После окончания педагогических курсов работала учительницей в Нью-Йорке. Печаталась в еврейской прессе на всех континентах, начиная с 1944 года. В 1950 г. Дора вместе с мужем Гершелем Мейером переезжают во Францию. Гершель приходился двоюродным братом отца знаменитой Маши Рольникайте. Во время своей поездки во Францию в декабре 1966 г. она жила на его квартире. Из воспоминаний Маши Рольникайте: "По профессии Гершель врач, во время войны служил в армии. Теперь занимается общественной дея-

тельностью... Оказалось, они коммунисты, и из-за этого им пришлось уехать из Америки. Они не только были знакомы, но и дружили с Полом Робсоном и Говардом Фастом".

"Баллада о Литл-Роке", переведенная на французский в 1959 году и тут же на другие языки (на русский в 1960-м), принесла Доре Тейтельбойм международную известность. Осенью 1986 года поэт и переводчик Лев Беринский читал свои переводы ее стихов в Москве в присутствии автора. Дору Тейтельбойм принимали очень тепло. Я думаю, сам Шлэнский не сказал бы поэтичнее Беринского, назвавшего ее поэзию "великолепной": "Дора - не знающая возраста чаровница, в движениях рук, во взлете лица - вдохновение, вольный жест свободолобивой американки, утонченная сдержанность парижанки". Беринский добавил: "Дора - в черном вуальном платке: несколько недель назад проводила в последний путь мужа"...

И как же она умела сказать и о радости любить, и о тоске по любимому - и о счастье, которое в душе длится, и оно такое живое:

*...Пойдем, любимый мой,
пойдем
в твоём
я голосе опять ловлю волненье,
похожее на сон, на опьяненье.
Ты обними меня. Ко мне прижмись.
Прохожих редких
больше не стыдись -
тебя никто не видит здесь. Видна
лишь женщина, бредущая одна...*
"Любимый мой", стр.71.
Пер. Л.Беринского

*"По весне, когда воздух
от новых дыханий дрожит и рождений,
и уже обнялись, как любовники,
стебли растений,
и стволы тянут ветви друг дружке,
чтобы медом набрякши зацвести,
под лазурью высот,
под безбрежными небесами,
на огромной земле,
опьяненной весенними снами,
ты - повсюду, любимый.
Ты повсюду, любимый мой, есть.
"Я сюда приходила с тобой..."*, стр.72.
Пер. Л.Беринского

Даже, если Дора, говоря "любимый", имеет в виду не Абри (Авраама), мы видим, как она умеет любить, в стихах же Шлэнского - намеки и тайны остаются, он открывает только имена, которыми они называли друг друга. А о том, как он умеет любить - только в письмах...

"Из песен Хуа-Лу" А.Шлэнского в переводе Ф.Гурфинкель. (Сайт Шатры Яакова):

- Алло! Кто говорит? / - Я это... Это Абри... Это я.../ к тебе кричу - ты слышишь? - тебе кричу я ... Услышь! - кричу я, - мне помоги бежать от самого себя...
*...Ты говоришь напев, имея в виду всё,
что сбрасывает иго обозначений и понятий,
бежит от призрачного света
смысла обнаженного
и тех, кто мнит, что знает облаченья тайны.*

*Ибо напев - последнее, что сохранилось
от беседы Бога с его созданиями
до появления слов,*

*В котором все стенания твои и крики;
их ты умалчивал в молениях любви.*

*Ведь и сегодня ты скрываешь силы
(о, месяц полный над водой!).*

*Порою это чайка, вечно помнящая море,
порою это лань в возникшем силуэте -
но всегда напев.*

*Напев же говорит тебе:
ей имя Хуа-Лу.*

*Напев же говорит тебе:
ты - Абри.*

Шлэнский с радостью переводил стихи Доры Тейтельбойм. Она приезжала в Израиль и раньше. Возможно, их знакомили, наверняка, каждый знал о другом по его творчеству. Но встреча в 1972 году оказалась особенной. Кстати, это муж Доры настоял, чтобы именно Шлэнский перевел стихи Доры на иврит. И вот книга Доры Тейтельбойм "Михморот бе-терем шахар" ("Сети перед рассветом") увидела свет.

Жаль, что случилось это за несколько месяцев до ухода Шлэнского. Но и грустить не надо: он не страдал и не собирался уходить. Да, проходил какие-то проверки, лежал и в больнице, но ничего опасного и все уже позади. Работает. На днях выходит новая книга. А ушел в точности, как Мира. Был в гостях, вернулся домой, приготовил традиционный стакан чая, лег спать и умер во сне. Хоронили его торжественно, как Бялика (почти 40 лет назад), при высоких речах и огромном стечении народа.

Дора Тейтельбойм проживет еще почти 20 лет...

Стопка найденных писем - безусловное доказательство, что "любви все возрасты покорны" (ему за 70, ей - 56), но они еще и поэты, и нет третьего, кто бы рассказал нам об их любви... Они сами о ней расскажут. И Шлэнский, тот, кто уже в 13 лет поднял на щит девиз "Только иврит!" ("рак иврит!") - Доре (что делает любовь!) объясняется в любви... на идише!

Шлэнский - Доре (фрагментарно), 23.6.1972:

"Хуа-Лу, Хуа-Лу, Хуа-Лу! Я получил твое письмо только что - первое, теплое, любящее - только поцелуй могут быть такими теплыми и свежими. такие "лицом к лицу-ными". Может, отложить ответ на завтра? Ведь если отвечу сразу, ты ведь знаешь, ты уже знаешь, моя Хуа-Лу, что кричать не в моем характере, но я словно опьянел от твоего голоса, от того, что вижу, чувствую тебя сквозь буквы в письме, твое теплое прикосновение, твои слова... А ведь я никогда по-настоящему не пьянею... То, что случилось между нами - чудо... Я говорю себе: Абри (от Аврам на идиш? - Ш.Ш.), возьми себя в руки... По дороге домой я гадаю, как девчонка на лепестках ромашки: есть письмо? Да или нет?.. Я люблю тебя всеми 248 органами, имеющимися в человеке. Но разве диалоги между Абри и Хуа-Лу не таковы: чувствовать всем существом, всей сутью... А виновница ты, твое письмо, которого я ждал с таким нетерпением... Пиши чаще, больше, как тяжело по утрам в тишине в моей комнате, только книги и книги и не будет твоего звонка... И все скамейки на бульваре Нордау осиротели... тот, кто любит, часов не наблюдает, но ждать, ждать, неделя ожидания как половина вечности...

Может, порвать это письмо? Нельзя писать любимой в таком опьянении, я сейчас как пьяный Лот... Бегу к тебе... через стихи... Стихи - все о тебе, Хуа-Лу! Все - моей Хуа-Лу, только о ней и ее Абри... Предвкушаю их чтение Хуа-Лу на улице Гордон, 50 (его адрес - Ш.Ш.) <...> Знай, что я изменил название бульвара, я называю его теперь "бульвар Хуа-Лу!"

Дора - Шлэнскому (29.6.72):

"Я сижу на парижском бульваре... Только что прочла все три твоих письма и, ты ведь знаешь, как катится поезд моего воображения... и вот я снова рядом с тобой, вся с тобой, мой дорогой. Только тут, далеко от дома, когда я одна, могу писать тебе, быть и говорить с тобой, и я легко умею превращать мечту в явь. Абри, мой любимый, чистота и богатство твоего поэтического духа овладело моей душой... ты вернул мне дыхание юности, уверенность в себе, радость, силу... Утром я не могла удержаться, взяла лист чистой бумаги и поцеловала его, это печать моего поцелуя, и души, и каждого удара сердца... Напряги слух и услышишь все, что я хочу сказать - ты самое дорогое, что у меня есть..."

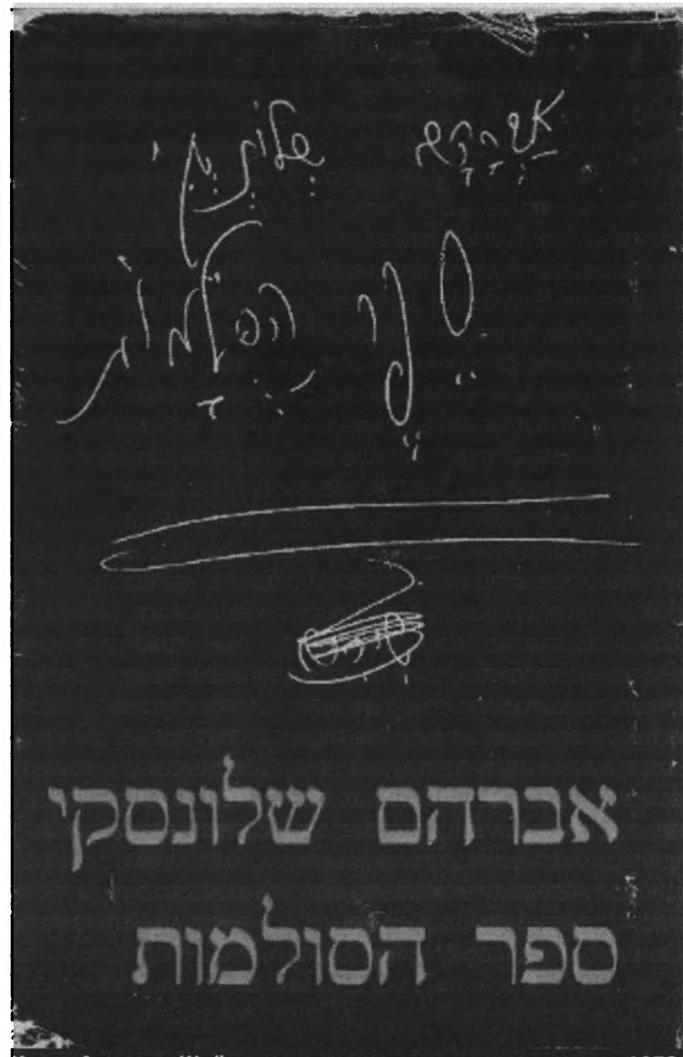
Я уверена, что скоро всю эту переписку опубликуют, мне кажется, что она уже частично ходит по тропинкам интернета...

Загадка: кто передал на хранение эти письма, как они оказались вместе?

4 мая 1973 года Шлэнский позвонил в типографию и попросил добавить в последнее стихотворение новой поэтической книги две строчки: "Сомкни вечерние веки, / Веки мои закрой". Сон какой-то приснился? 18 мая его не стало.

Книга Доры Тейтельбойм в переводах Авраама Шлэнского

Книга Авраама Шлэнского вышла сразу после его ухода. 1973

Александр ИЛИЧЕВСКИЙ

В Песни Песней (4:14) ладан упоминается как "левона". Ладан - составная часть фимиама из одиннадцати благовоний, воскурявшихся в Храме, - ароматическая смола деревьев рода Босвеллия (ладанного дерева) и некоторых других, растущих на Аравийском полуострове и в Восточной Африке. В феврале-марте на стволах делаются надрезы и вытекший из-под коры и высохший сок собирается для продажи. Благовония высшего качества - смолы, собранные без надрезания коры, выделенные растениями естественным путем. Дым курящихся благовоний уходил вверх, слившись с молитвами, унося вместе с ароматом слезы, мольбы и благодарность Богу.

Родиной благовоний считается Восток, здесь произрастает наибольшее количество растений-эфироносков. Первые благовония возникли еще у истока цивилизации: крошечные сосуды с узким горлом, хранящие пахучие вещества, обнаружены археологами при раскопках памятников древних культур Индии, Вавилона, Египта. Египтяне хранили в таких сосудах мирру. При вскрытии гробницы Тутанхамона лорд Карнарвон и Говард Картер вдохнули запах, царивший здесь три с половиной тысячелетия, - аромат мирры; тут же, в гробнице, были обнаружены сосуды с ладаном.

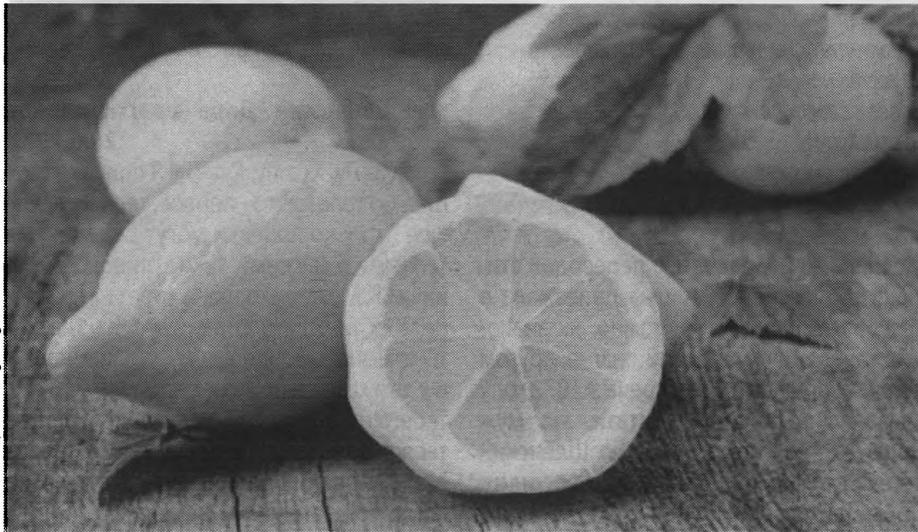
В древности запаху придавалось сверхъестественное значение не только потому, что он способен влиять на человеческие эмоции. Курение благовоний и стремящийся к небесам дым от них - своего рода музыка незримого. Запах летуч, действие его волшебное и скрытно. Здесь и находится его связь с метафизикой. С помощью благовоний создавалась характерная эмоциональная атмосфера вокруг алтаря. Она помогала молиться и была в то же время приношением, смывкой с незримым.

Память тесно связана с запахом. Если, заучивая иностранное слово, человек ощущает, например, духовитость яблока, - слово запомнится тверже. Из вкуса пирожного, влекущего за собой волны памяти, можно извлечь великий роман. Благовония - это что-то вроде якорей памяти, поднимающих пласты времени. Единственное, что в точности сохранилось после разрушения Храма, - запах. Мы не можем с достоверностью указать ни на один камень, утверждая, что именно он был частью Храма (кроме Стены Плача); мы ничего не сможем сказать с точностью о его убранстве: что находилось внутри, как были устроены внутренние помещения и т.д. Но мы в точности укажем несколько ароматов, которые можно было вдыхать в Храме.

Так почему же воскурение благовоний составляло важнейшую часть ритуальных действий в нем? Что мы знаем об обонянии? Нам известно о его власти над телом. И дело не только в том, что запах регистрируется мозгом быстрее, чем болевой импульс.

Давайте представим себе совершенный орган обоняния. Такой аромателескоп, который способен регистрировать абсолютно все запахи окружающего нас мира. Даже трудно себе вообразить, на-

АРОМАТ ДОСТОВЕРНОСТИ

Фотоиллюстрация: iStockphoto.com/ASAP Creative

сколько важными для ученых окажутся передаваемые им данные. Ибо человеческий нос столь же слеп во вселенной запахов, как крот на свету. Но в этом есть и польза, ибо если человек вдруг обрел бы способность осознавать все запахи, его окружающие, мозгу не хватило бы вычислительной мощности для их обработки. Запахи человек обрабатывает мозгом, в то время как животные - самим органом осязания (подобно тому, как зрительный нерв человека освобождает мозг от вычислительной обработки зрительных образов). Несомненно, вопрос о важности благовоний в Храме - это вопрос о важности запаха в устройстве и функционировании живого мира.

Давайте попробуем хоть немного с этим разобраться. Для начала приведу только несколько разрозненных добытых наукой поразительных сведений о запахе.

Лингвисты и биологи работают вместе, чтобы понять язык запахов. Трудно поверить, но они научились уже давать подопытным крысам команды, состоящие из нескольких пахучих "слов". Они выяснили также, что специальная железа пчелиной матки издает запах, удерживающий рой вместе при миграции.

У трутня обоняние в пять раз чувствительней, чем у рабочей пчелы и тем более у матки. Это нужно ему для того, что, сравнивая с поэтическим даром, прекрасно описал Метерлинк в "Разуме цветов": трутень быстро и точно чувствует неплодную матку и стремится за ней, пока не достигнет ее или не умрет, истощившись в погоне. Пчелы с ампутированными органами обоняния неспособны выполнять работу и быстро погибают.

Двадцать лет назад было доказано, что устройство обонятельных рецепторов заложено генетически. Человеческие рецепторы способны регистрировать около десяти тысяч элементарных запахов. Парфюмерные изделия содержат их до двух-трех десятков, аромат земляники - девятнадцать. Власть запаха над телом очевидна, но все равно остается тайной. Лишь недавно выявлены нетривиальные связи между носом и мозгом. Молекула ве-

щества (тип запаха определяет ее форма, а не конкретный состав атомов) контактирует с рецепторной клеткой, и нервный импульс направляется в лимбическую систему мозга, где путем анализа формируется ощущение запаха. И здесь же, в этой окрестности мозга, формируются эмоции и мотивации. Но это не все. Далее преобразованный импульс отправляется к вегетативным ядрам, гипоталамусу, зрительному бугру и другим частям лимбического комплекса. Никакой другой анализатор не связан со столь многими структурами мозга. Механизм взаимодействия с ними пока не поддается объяснению и оставляет впечатление таинственности. Более того - обонятельный нерв регенерируется каждые два-три месяца, его возрождение происходит по тем же законам, что и развитие мозга эмбриона. И вот что самое важное для постижения окружающего мира при помощи запахов. Большинство сигналов обонятельного анализатора отсылается в подсознание, и лишь незначительная их часть воспринимается сознательно. Возможно, именно с этим связан эффект дежа-вю. Человек не столько помнит, что именно происходило, сколько чувствует, что это уже было. Не значит ли это, что он просто снова услышал запах, который когда-то не был способен осознать, но который отпечатался в подсознании?

Запах-сигнал, попав в гипоталамус, стимулирует выработку тех или иных гормонов. Выражение "Здесь дышится полной грудью!" появилось потому, что нежелательные запахи неизменно становятся источником стресса. И, попав на свежий воздух, человек приходит в чувство, у него нормализуется кровяное давление, пульс. Олдос Хаксли написал роман "О дивный новый мир", посвященный в частности и тому, как усовершенствовать наш мир с помощью запахов.

В моем детстве, которое прошло на Апшеронском полуострове, мы с отцом по дороге на пляж непременно совершали один ритуал - заходили в спортивный магазин. На его полках сияли латунные и никелевые кубки, висели вымпелы и сетки с волейбольными и футбольными мячами,

бадминтонные и теннисные ракетки, а в центре торгового зала стоял короб с плюшевыми рукавами: устройство затемнения для смены на ощупь (вложить в короб фотоаппарат, закрыть, продеть руки в рукава) фотопленки, которая продавалась здесь же в магазине. Но неважно, что там продавалось. Важно, как в этом магазине пахло. Я уж не знаю, что это был за запах - не то дубленой кожи мячей, не то химических реактивов, - но запах этот, который у меня строго ассоциировался с эмоцией сильного интереса, возбуждения, излучавшегося спортивными товарами, навсегда стал запахом моего детства - запахом чистоты и огромного, неизведанного и желанного будущего. В течение тридцати лет я мог в любую минуту закрыть глаза и вспомнить этот запах. Но никогда, никогда я его не встречал с тех пор. Ведь это странно, правда? Я побывал за свою жизнь во множестве магазинов, где продавались все те товары, которые я так вожделел в детстве. Но ни в одном я не встретил даже намека на этот запах - сильный, пряный, упругий. Понемногу этот запах стал для меня прозрачным, я даже перестал верить в то, что когда-то с наслаждением его вдыхал. Как вдруг лет пять назад я купил себе новые очки. Вместе с ними мне выдали очечник, запах внутри которого взорвал мое сознание. Замша, выстилавшая его полость, пахла ровно так же, как сокровищница того самого магазина спорттоваров! Это было чудо, и я берегу этот очечник на самой верхней полке кабинета и изредка забираю его на кресло, чтобы аккуратно снять его и, приоткрыв, сунуть нос в шкатулку прошедшего времени - убедиться, что детство действительно было.

От редакции. Вот что писал об отношении иудеев к ароматам Василий Розанов в 1909 году: "Мне как-то пришлось прочесть, что нет ничего обыкновеннее на улицах Иерусалима, как увидеть жителя (не помню, сказано ли "еврея"), спешно идущего, который держит в руках цветок и постоянно подносит его к носу. В Берлине и Лондоне этого невозможно встретить. В другой раз я удивился, прочитав, что в иерусалимских молитвенных домах евреи часто передают из рук в руки разрезанный пополам свежесорванный лимон, и все поочередно обоняют его, "дышат его запахом". Ритуальный закон, что в субботу или в пасху евреи вдыхают запах вина, разлитого перед всеми сидящими за трапезою по стаканам, - известен. Это обонятельное отношение к вину вместо вкусового или впереди вкусового - замечательно. На вопрос: "Каким создал Бог мир?" - европеец ответил бы: "Прекрасным"; русский говорит: "Как мир пригож", "Как человек пригож". Закон сочувствия еврея, закон восторга еврея идет совсем по другой линии, и он сказал бы: "Бог создал мир пахучим", "мир ароматичен". Нельзя не заметить, что отношение через обоняние гораздо ближе, теснее, интимнее, чем отношение через зрение... Тут есть что-то льстивое из предмета в предмет, из существа в существо, - тут ароматистый предмет охватывает собою вдыхающего, и вдыхающий пожирает пахучее".

С ЗАПОЗДАНИЕМ, или АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СКОРБЬ

Дина МЕЕРСОН

Итак, писатель, лауреат премии Израиля Давид Гроссман на альтернативной палестино-израильской церемонии памяти павших - солдат, граждан, жертв конфликта с обеих сторон, произнес речь. Это была красивая, хорошо написанная речь. Ничего удивительного, автор - большой литературный талант. Пафос его речи сводился к тому, обвиняя убийц своего сына, он чувствует, что те перестают быть убийцами.

Каждый человек вправе скорбеть так, как ему это угодно. И кто я такая, чтобы указывать другому человеку, как ему следует переносить боль. Давид Гроссман, потерявший сына на Второй Ливанской войне, хочет поминать его не иначе, как рядом с семьями палестинских арабов, чьи сыновья взорвали себя как шахиды или были застрелены при совершении террористических актов против евреев... что ж, порой для уменьшения нестерпимых болей пациент принимает самые невероятные позы. Я как врач это знаю.

Я никому не могу запретить обнять убийц его сына, расцеловать насильников его дочери, обмыть ноги посадившим на иглу его детей-подростков, благословить его тюремщиков-садистов. Дело не новое, широко известное в психологии как стокгольмский синдром. Вот вам выдержка из Википедии: "Стокгольмский синдром - термин, популярный в психологии, описывающий защитно-бессознательную травматическую связь, взаимную или одностороннюю симпатию, возникающую между жертвой и агрессором в процессе захвата, похищения и (или) применения или угрозы применения насилия". Судя по всему, этот синдром в той или иной разновидности встречается не только у бывших заложников, но и, как в случае с Гроссманом, у тех, кто пережил травму утраты своих близких - в данном случае павших в ходе военного конфликта.

Я могу понять осиротевших родителей. Я могу от всей души посочувствовать их непреходящему горю. И только одного я не могу понять и допустить: чтобы их страдания насильно изменяли картину мира. Ключевое слово тут - насильно. Я не чувствую никакой потребности оплакивать погибших в войнах Израиля, находясь рядом с представителями врага. Причем речь идет отнюдь не о тех представителях, которые осознали свою неправоту и сожалеют о том, что их соплеменники развязали войну. Отнюдь! Альтернативная церемония скорби проводится с теми, кто видит в нас врагов и убийц. И что это, простите, за скорбь такая, которая больше похожа на ненависть? Не понимаю. Хоть убейте (прошу прощения за невольный каламбур) - не понимаю я такой "скорби".

Прекраснодушный писатель Гроссман в своей речи проникновенно убеждает нас в том, что боль потерь сближает противоборствующие стороны. И что отныне они не хотят уже воевать. Ах, я бы рада ему поверить! Да только не могу я забыть, как семья каждого - каждого! - шахиды выражает большую человеческую радость по поводу самоубийства своего сына, брата, мужа. И тем больше эта радость, чем больше евреев их замечательный самоубийца прихватил с собой по дороге к сонму девственниц. Где тут скорбь по погибшему? Тот, кто больше не хочет убивать, не раздает конфеты и не устраивает салюты, празднуя убийство с самоубийством. Что-то тут не сходится.

А вот еще блистательный пассаж из все той же речи: "Когда израильские снайперы убивают десятки палестинских демонстрантов, большинство из них - мирные жители, Израиль становится менее "домом". Ну, знаете ли, дорогой большой писатель, человек огромной души и, безусловно, доброго сердца, это уже переходит всякие границы, потому что слишком сильно смахивает на элементарное передергивание. Мирные палестинские жители, массово убиенные злобными израильскими снайперами - это не те ли молодчики, которые пытались массово нарушить границу государства? Те самые, которые не стеснялись впереди себя пускать семилетних детей. Те самые, которые были вооружены, минировали территорию на границе и бросали "коктейли Молотова". Мирные такие, просто пилигримы. В количествах, измеряемых двузначными числами. И то только лишь потому, что израильские снайперы мастерски останавливали атаку за атакой, отстреливая единичных главарей. Страшно подумать, что было бы, если бы прорвалась многотысячная толпа, и Израиль вынуж-

ден был бы применить танки и артиллерию. О каком количестве "невинно убиенных" тогда шла бы речь?

Гроссман трогательно пишет о том, что его малолетние внуки, возрастая под сенью своей страны - Израиля - чувствуют его своим домом. И тут же утверждает, что Израиль обязан удовлетворить всех палестинских арабов, и всех суданских мигрантов, а заодно - до кучи - всех жителей периферии, социальное слабые слои, инвалидов и приверженцев реформистского течения иудаизма. Только тогда Израиль станет ему, Гроссману, истинным домом. Поистине, куча мала! И никто не подскажет бедному, лишенному "дома" писателю, что для решения проблем периферии надо давать людям работу - в том числе и ту, которая нынче зарезервирована для эритрейско-суданских мигрантов. И что решение вопроса палестинских арабов лежит в области их полного отказа от террора. Ибо не будет опасности террора - не нужны станут КПП и уничижительные проверки, не надо будет закрывать территории, чтобы евреи могли праздновать, не опасаясь быть зарезанными, и даже деньги на народное хозяйство в арабском секторе появятся как из-под земли. Впрочем, почему - как? Именно оттуда они и появятся, если арабы Газы прекратят вкладывать средства в создание диверсионных тоннелей.

Не видит, ничего этого не видит лауреат Премии Израиля, хороший писатель, скорбящий отец Давид Гроссман. Он увлечен своей прекрасной идеей. Той самой, которая уже привела однажды к приглашению Осло. Которая вызвала к жизни "итнаткут" и его следствие - все обстрелы на Юге, все эти Скалы со Свинцами. Гроссман не хочет видеть, что гибель его сына на Второй Ливанской стала следствием нашего позорного бегства из Ливана

на предыдущем витке противостояния.

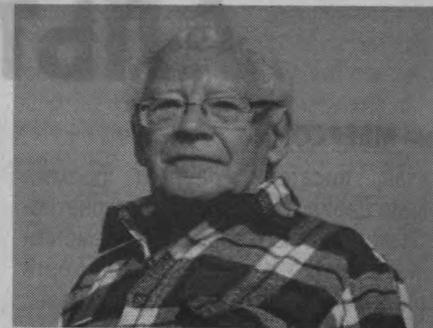
Гроссман готов признать достижения Израиля в области технологий, медицины и экономики, но он не в состоянии увидеть, что Израиль достигает всего не благодаря, а вопреки. Только сильный Израиль способен продвигаться вперед, и чем сильнее страна, чем она увереннее в векторе своего движения, тем скорее наши арабские соседи (а других нам Бог не дал) смогут заняться собственным строительством вместо войны. Такое вот воспитательное значение имеет Сильный Израиль, и сила его отнюдь не в лобызании с убийцами его детей. Наши соседи с их истинно восточной ментальностью подобные лобызания за силу не считают, вот ведь в чем парадокс.

Но, допустим, Гроссман уверен в своей правоте. Может же человек добросовестно заблуждаться. Тем более человек, переживший тяжелейшую психологическую травму. Итак, признаем за Гроссманом право на его убеждения. Однако почему он не хочет свои идеи реализовать по другую сторону границы? Если все дело заключается в великом желании обнять араба, чей сын погиб в войне с евреями, то что мешает господину Гроссману отправиться в Рамаллу и скорбеть там по полной программе? Заодно, чтоб не скучно было, пусть прихватит с собой товарищей по объединенному скорбению. Кто сказал, что доказывать принципы надо только и исключительно на нашей территории? Поезжайте в Дженин, отправляйтесь в Шхем, обнимитесь в Калькилии, на худой конец! Что ж вы всех в Тель-Авив-то тащите? Однако, это мы перегнули палку. Не едет Гроссман в Рамаллу, поскольку там единение с врагами его сына чревато убийством самого мироносителя. Того и гляди, линчевать могут, не вдаваясь в убеждения и призывы известного мигрантолюбца и арабофила. А потому Гроссман и иже с ним считают своим долгом законодательно, через БАГАЦ раскрывать объятия скорби исключительно на безопасной израильской территории. При этом считаться с чувствами большинства народа, с чувствами тех, кто не желает видеть у себя ненавидимых врагов, источник вечной боли, виновников гибели наших сыновей - с этими чувствами скорбящий отец Гроссман считаться не желает. Очевидно, его скорбь более скорбная. Он же - элита, большой писатель, лауреат. А остальное население Израиля не доросло, его чувства никаким гроссманам не интересны.

И вот в таком случае я поворачиваюсь спиной к этому отдельно взятому отцу, оплакивающему потерю сына. Потому что боль от потери всех, кто пал в войнах и терактах, пережитых Израилем, стучит в моем сердце. И я разделяю эту боль со своим народом - а не с его врагами.

ОДИНОКАЯ ДУША СЕМЕН

Памяти Асара Эппеля

В конце февраля 2012 года умер Асар Исаевич Эппель. Я не предполагал, что эта печальная новость может так сильно меня взволновать и даже на некоторое время выбить из колеи. Будто жизнь лишилась чего-то настолько важного и необходимого, что и заменить нечем.

Русский ли он писатель, еврейский, русско-еврейский, не знаю. И знать не хочу. Первый же много лет назад прочитанный мною его рассказ вверг меня в шоковое состояние. С тех пор на каждую его новую публикацию я набрасывался, как паук на муху.

"...На первый в их жизни юг, на первом в их жизни поезде подруги ехали троим: она, Тома и Райка. Правда, ее отец, доктор, не знал, что Райка уже дважды заходила к мужчине Анатолию, после чего, торопясь и дыша в пылающие лица подруг, рассказывала, что заходить к мужчине страшно, но ужасно интересно, и она зайдет опять, "когда приедем с юга и я буду хорошо выглядеть"...

Или -

"...Машинист, если, конечно, не глядит на манометры, из окошка выглядывает все время. Как все равно из мезонины. Это - в пути, а на станции изпод клепаного паровозного брюха капает грязный кипяток и тихо шипит пар. Иногда пар вырывается белым облаком, и весь паровоз им окутывается. И железная дорога от этого и от угольной изгари чумазая. Еще она в каких-то потеках. И в каких-то еще. И в каких-то масляных, а еще в лишаях цветной ржавчины. Дымные оргазмы улетают к небу и стелются понизу..."

О том, как это сделано, ты задумываешься позже, а пока твой организм начинает вибрировать в резонанс с завораживающим ритмом этой волшебной прозы, и тебя уносит в дальние дали мощный изобразительный поток, в истоках которого позже ты, конечно, обнаружишь и Исаака Бабеля, и Андрея Платонова, и даже, как это ни странно, самого Льва Николаевича Толстого. И

догадаешься, что имеешь дело с поэтом, прежде чем прочтешь его замечательные стихи, впрочем, по силе воздействия, по крайней мере на тебя, увы, уступающие его рассказам.

А еще в своих оценках совпадешь с некоторыми литераторами, считающими его стилистику барочной. Но, в отличие от многих, будешь ставить это ему не в вину, а в заслугу. Ибо, как правильно заметил, правда, по иному поводу Михаил Яснов: "Не тоталитарные устремления классицизма, не революционный пафос романтизма - а именно причудливое, тайное и не всегда добронравное бунтарство барокко оказалось созвучно гуманитарным настроениям общества, стоящего на пороге не только социальных, но прежде всего этических перемен".

И Неквалифицированный Читатель спросит тебя: "Какой-токой Эппель? Я и не слышал о нем." - "А киномузикл "Биндюжник и король" видел?" - "Ну, конечно!" - "По его сценарию поставлен". - "А-а-а..." - "А кто такие Анна Герман и Тамара Миансарова знаешь?" - "Ну!" - "По их заказу слова для песен писал". - "Молодец. И все?" - "Почему же все? Масса книг и журнальных публикаций. Работал для театра и кино, писал стихи и поэмы, очерки и эссе, переводил Петрарку, Киплинга, Сенкевича, Бруно Шульца, нобелевских лауреатов Исаака-Башевиса Зингера и Виславу Шимборску. Начнешь перечислять - не остановишься. Вообще польский знал с детства, мать его - из тех мест. После его смерти вышла из печати его книга польских переводов "Моя полониана". Но ты ведь этого всего не читаешь и вряд ли когда-нибудь прочтешь. Хотя кто знает... Но главное, конечно, - его проза, уверен, что - мирового масштаба".

А Квалифицированный скажет: явно недооценен. Почему? Да потому что

при жизни его не нашлось конгениального критика, способного разложить по полочкам добытые им сокровища, найти объяснение и механизмы его могучего воздействия на чуткие души истинных ценителей прекрасного. А еще личные качества: был тихим, деликатным человеком. Явно не пробивным...

Между прочим, в смысле недооцененности, недоданности ему при жизни того, что он явно заслужил, он повторил судьбу другого замечательного прозаика-еврея Фридриха Горенштейна. В чем тут дело? Думаю, не в прямом антисемитизме, не в "вульгарной простоте отрицания", как сказала бы Анна Ахматова, но в некоей трудноуловимой настороженности по отношению к гениальным инородцам, в подспудном недоверии к их слишком пристальному взгляду на российские реалии. Взгляду, хотя и изнутри, но все же несколько со стороны...

Асар Эппель окончил архитектурный факультет. Тем не менее долгие годы в основном был известен в качестве переводчика-трудоголика. Признавался, что выбирает автора по принципу совпадения ритма авторского текста со своим собственным ритмом. В течение 22 лет он ежегодно ездил в Дубулты, жил и работал в Доме творчества. Однажды труды свои окончил досрочно, и надо было хоть чем-то занять голову и руки. И он стал набрасывать, так сказать, литературные портреты обитателей 5-го Новоостанкинского проезда, среди которых прошли его детство и юность, заносить на бумагу приметы их, в сущности, слободского быта. Из этих записей и возникли его удивительные рассказы, составившие книгу "Травяная улица". А затем и других книг - "Шампиньон моей жизни" и "Дробленный сатана". Счастливая случайность, без которой мы не имели бы

того, что имеем? Может быть. Но вряд ли...

Когда я анализирую свое отношение к Эппелю, то, мне кажется, что признание к его личности и творчеству не исчерпывается признанием его литературных заслуг и человеческих достоинств. Читая, например, в блистательном его переводе "Люблинского штукера" Башевиса-Зингера, я чувствую, что этот перевод - плод нешуточного интереса переводчика к быту, чаяниям и злоключениям героев зингеровской повести, обитателей еврейских сел и местечек Польши, жителям Люблина, родины матери Эппеля, и Варшавы. Нечто подобное по отношению к ним испытываю и я. В частности, потому, что и мои предки, а стало быть, и я сам, так же, как и Асар, - порождения практически той же самой среды. Так что Эппель для меня свой не только эстетически, но и генетически.

Мы были знакомы шапочно. Однажды я послал в московский журнал "Лехаим" стихи. Асар вел в нем поэтическую рубрику "Рифмы и мы". Впервые за мою долгую литературную практику редактор откликнулся на присыл подборки мгновенно: "Беру".

Потом мы обменялись несколькими короткими посланиями. И в одном из них, уже после публикации стихов, я, к счастью, успел сказать ему добрые слова о его уникальном даре и признаться в давней любви к его потрясающим рассказам. Единственное, что теперь утешает...

Марк Вейцман

Асар ЭППЕЛЬ

Свой

(Рассказ публикуется в сокращении. Рабочий парень Семен, осиротевший во время войны, женится на "перезрелой и топорной", а также - добавив от себя - подлой и порочной Еве с окраинной травяной улицы - из простодушия, но главным образом потому, что она происходит из тех "улетевших с дымом мест", где некогда, до войны, на горе стоял его родной дом.)

Семен постригся "под польку", но оделониться не стал, чтобы не срамиться и людей не смешить. Потом он прошел по хрустящим под ногами черным клочкам собственных волос - взять на вешалке кепку - и встретился с очень внимательным взглядом, создаваемым с помощью тревожных, но все постигших глаз низенького гардеробщика, который очень внимательно спросил:

- У молодого человека еще нет жены? Что ему это мешает? Хватит уже, прекратите ваши случайные встречи! Пора уже, молодой человек! Что вам мешает?

Затем он достает толстую тетрадь в клеточку, о каких там, где образовывался Семен, только мечтали, и, заглядывая в нее, начинает бормотать:

- Видите, я, слава Богу, до сих пор читаю без очков... Но что здесь?.. Два института, у него магазин... это не для вас. А здесь?.. Дают пианино... тоже не для вас; они хотят Мишу Фихтенгольца... Пара глаз... живут и с сестрой, но гарантируют взять в дом... Ха! А что это? Девушка честная, мать - учительница на немецкий язык... Сюда я знаю, кому сказать... Она врач, мужа убили... Это я должен под-

умать... Здесь не дадут ни гроша... В Первомайке пыскатая мать, вы - сирота... От! Это, я думаю, для вас!.. Вы сказали, что вы токарь-модельщик? Там будут рады иметь токаря!..

Гардеробщик знал свое дело. Семена женили на Еве, перезрелой и топорной. Странное даже для травяной улицы имя еще в раннем Евином девичестве породило прибаутку: "Ева - старая дева", со временем как бы сбывшуюся.

Семья эта была очень непривлекательна. Мама, Созильвовна, с насморчным голосом и в клопиного цвета шали,

хорошего впечатления не производила. Отец, низенький, с коротким туловищем и длинными ногами в синих галифе, удививших в узкие хромовые сапоги с галошами, работал в керосиновой лавке, где продавались к тому же гуталин и москательные товары. Сестра Поля, не будучи горбатой, все же смахивала на горбунью.

У всей семьи была странная кожа, чуть-чуть сальная, она словно была налитым тонким слоем болотной водицы.

Семен не ожидал, что на этой улице почему-то съединится разорванная связь времен. Правда, он не знал такой категории, ее знаем мы, повествующие об одинокой Семеновой душе, но на травяной улице Семен почувствовал себя как дома. Вернее, почти как дома.

Поясним это: гармонический мир Семена прекраснейшим образом не удивлялся козе, привязанной к колышку в конце улицы; это было нормально - на травяной улице должна быть коза, но две коровы со своими хозяйками или мальчишки, поливающие друг друга из оставшихся от "студбеккеров" насосов-огнетушителей, - это оказалось для Семенова инстинктом чем-то беспокойным. И подобные мелочи, совершенно не конкретизируемые его восприятием, невольно подвигали Семена сохранять себя в одиночестве.

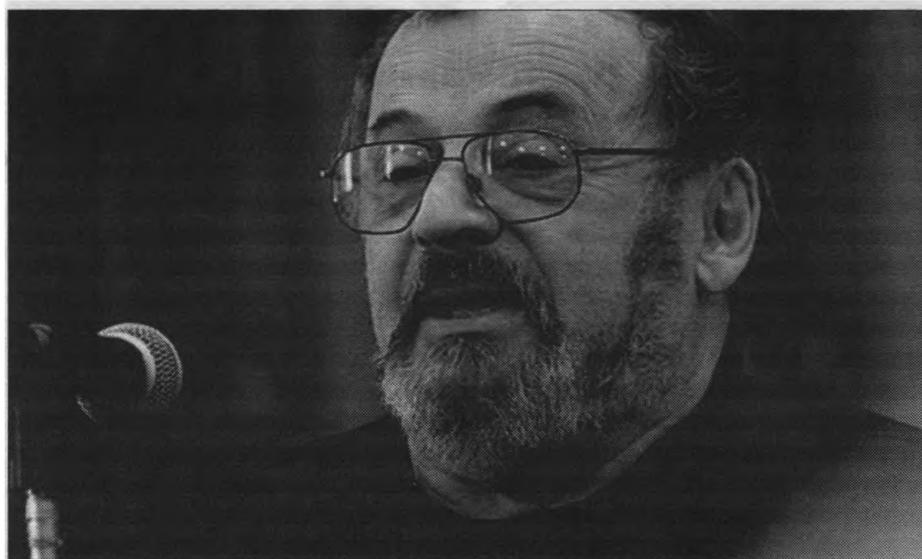
Каким вообще образом Семен стал Семеном? Трудно сказать. Это был очень редкий молодой человек. Он не только не умел отличать добро от зла, он просто не знал об их существовании, ибо не имел ни малейшей склонности к анализу событий или чьих-либо (включая свои) поступков. Ему повезло - его почти никогда всерьез не обижали, а те небольшие обиды, пользоваться которыми посчастливилось, не стали поводом для опыта, осторожности или осмотрительности.

Нельзя сказать, чтобы Семен легко сблизился с людьми или, будучи благодушным, стал добродушным. Он был сам по себе. Но не от озлобления, не от желания уберечься, не от дурного характера. Он был одинок изначально и к тому же обречен одиночеству силою обстоятельств, оказавшись в заброшенном монастырьке под Пензой, где было ремесленное училище всего с десятью учениками и четырьмя взрослыми, людьми тихими и добрыми.

Вот почему Семен прожил детство и юность хотя и скудно, хотя и замкнуто, но зато безмятежно. Тощая еда, учение, самостоятельный ремонт ветхих помещений, огород для самопропитанья, заготовка дров на долгую зиму - всем этим притормозилось даже возмужание мальчиков, и дьяволу в ремесленном училище делать было нечего, а сладострастия и похоти нигде да и не у кого было научиться.

Вот почему он не понял, что был куплен в мужья, вот почему совершенно не был обескуражен Евиной внешностью. Вот почему не почувствовал изумления и осуждения, вызванных таким корыстным даже с точки зрения травяной улицы браком, и не расслышал, как однажды Ревекка Марковна сказала: "Примак с дырявой шляпой!". Ева, она-то расслышала...

Молчаливый отец наливал себе и Семену по чарке, а Социльвовна говорила дочери:

- Евка, если мы могли купить для тебя квартиру, то мы можем, чтобы ты хорошо питалась. Дай Семену тоже! Дай ему кнись.

...Вот сидит Ева с Райкой Смыковой лет двенадцать назад на пустой кухне. Они в последнее время очень задрружились, тем более, что в их подростковых жизнях одновременно появились женские новости... Вот Райка краснеет как-то и не своим голосом предлагает Еве кое на что поглядеть. Потом берет кусок оберточной бумаги, быстро складывает в продолговатый треугольник, задррав юбку, садится на самый-самый уголок табуретки и на глазах у тупо сосредоточившейся Евы засовывает странный треугольник куда-то меж покрытых гусиной кожей худых своих растопыренных ног...

С этого дня Ева начинает избегать Райку Смакову, но через неделю осваивает манипуляции с оберточной бумагой, которые становятся тайным смыслом жизни и проклятием Евы...

Женившись, Семен не заметил отсутствия девичества Евы, ибо просто был не осведомлен о столь важном для человеческого самоощущения предмете, а если что и слышал, то пропустил мимо ушей или ничего не понял.

Не заметил он и Евиной злобы, хотя Ева была близка к отчаянию, не зная, как провести Семена. Она что-то там придумала, что-то очень древнее, как ее имя, и очень наивное, как наивность Семена, не обратившего на щепетильные подробности внимания, что еще больше остервенило Еву, расценившую это как безразличие к ней и к ее пусть поддельному, но целомудрию. Что же касается утраты истинного целомудрия, об этом Ева старалась не вспоминать...

Когда все, бывало, поедят, Семен брал скрипку и вставал, намереваясь поиграть... Скрипка его откопалась в том же монастырьке среди недограбленного в свое время хлама. Была она, конечно, не в порядке, но Семен же недаром был модельщик - он дал скрипке ремонт, и она, сперва дребезжавшая, заиграла... Семен играл, а Социльвовна говорила:

- Ты, Евка, могла бы иметь принца или фотографа, но разве ты виновата, что не красила губы и не давала к себе притронуться?

Семен с Евой уходили, и она вспоминала ему разные примеры его неотесанного поведения в гостях...

Семен живет спокойно. Ходит на пред-

приятие. Носит воду из колонки к себе с Евой и наверх, а печку топят только для себя с Евой. По вечерам он вычитывает из отрывного календаря Еве разные вещи, а потом вырезает портреты Ленина и Сталина, кладет их лицами на дно блюдец, а сверху заливает гипсом. Получаются очень красивые вещи - с белых кружков ласково смотрят вожди. Еве нравится. Гостям - тоже...

Уже была в полном разгаре весна, даже, можно сказать, раннее лето. Семен пошел вчера в отпуск и сидел дома у открытого окна и глядел на травяную улицу, которую видел во всем ее летнем блеске в общем-то впервые.

Ева с утра ушла на работу. Между прочим, два ее института оказались курсами для счетоводов, и по окончании их она в какой-то промартелли сортировала квитанции - вероятно, липовые.

Вчера было воскресенье, и они с Евой ездили в гости в Малаховку, где Семен опозорил Еву, попросив добавки. Рассвирепевшая Ева за всю обратную дорогу не сказала ни слова, а поскольку к Еве уже пять дней все равно подходить было нельзя, Семен, не почитавши вслух отрывной календарь, так и заснул, давно уже привычный к телесному запаху Евиного нашатыря...

Мимо окна проходит нежная старшеклассница, и - сразу же - из дома напротив появляется мальчик с голубым аккордеоном и пренебрежительно принимается играть песню "Темная ночь". Воодушевленный знакомой музыкой, Семен берет свою скрипку и, встав у открытого окна, начинает подыгрывать мальчику. Удивленный и уязвленный, мальчик уходит в дом.

А Семен, с самолюбием дела не имевший, начинает играть "Марш Буденного". Он не замечает, как травяная улица быстро преобразуется, ибо сроду не видала и не слышала, чтобы человек стоял в окне и играл на скрипке.

Семен доигрывает марш, а потом начинает свою самую любимую, которую играет очень редко, потому что песня эта невыносима, нестерпима даже для его безмятежного сердца.

Тут как раз из-за угла появляется собравшаяся куда-то, похожая на артистку Татьяна Туркина. Она останавливается перед стоящим в окне Семеном и спрашивает:

- Что это вы играете такое приятное?

- "Ой-ой, купите папиросы!" - говорит Семен и, глядя в красивые глаза Татьяны Туркиной, добавляет: - Песню такую одну...

А песня эта, такая одна, захватывает Семена настолько, что горло ему вдруг стискивает страшная сила, а ровная линия домов перед глазами изламывается, и земля под ногами вздувается горой.

"Поглядите - ноги мои босы..." - играет Семен, уже изъездивший смычком свою невинную душу, зачем-то скидывает, продолжая играть, обувь, и возникает гора - Господи! - и крайний дом на ней, ну Господи Боже ты мой! Ну, Боже ты мой! - где его давно ждут...

Татьяна Туркина, положив руки на подоконник, слушает, закрыв прекрасные глаза, а со стороны колхоза имени Сталина на улицу входит усталая после бани Ева.

Она видит у своего окна Татьяну Туркину, она видит стоящего в проеме этого окна и не замечающего ничего в своем визионерском забытии Семена. Ева переходит улицу напротив своего дома...

Ой-ой, купите папиросы, подходи, солдаты и матросы. Ева не солдат и не матрос, но она подходит к своему дому, всходит на крыльцо... Ой, купите, не жалейте, сироту меня согрейте...

- Здравствуй, Ева! Спасибо, Семен. До свидания! - говорит Татьяна, и голова ее исчезает за подоконником.

- Почему это? - говорит Ева, увидев, что Семен стоит босиком возле своих полуботинок, водичка под ее кожей то сереет, то буреет. - Босый перед всей улицей? - шепчет она скомканным горлом. - Зачем? - Потом берет с трельяжа кусок бесценной канифоли и, когда он разлетается у ног Семена в сахарные брызги, говорит, хрипя: - И такое габдо мы пустили в дом! Уходи отсюда вон!

И вот Семен видит, как за Евой захлопывается дверь, но, потрясенный ее словами, за ней не идет, а начинает собирать с пола сахарные брызги и желтоватые крошки в пустую коробочку из-под гуталина. Потом искать становится труднее, начинаются сумерки, и Семен на спичке сплавляет в коробочке янтарную слезу; затем, опомнившись, отправляется к родителям "наверх", но там двери заперты, и вода у дверей кем-то принесена, и он идет по траве обратно, и он - уходи отсюда вон! - не знает, что делать, и ложится лицом вниз - уходи отсюда вон! - а диван клеенчатый и скользкий - уходи! куда уходить? И он не знает, что делать со своей обидой - вон! - потому что, потому что это первая его обида - они пустили в дом! - а что такое первая обида, знают все, кроме него, а он узнал только что - уходи отсюда - как это? - он же вот-вот превратил бы травяную улицу в горбатую гору с домиками, а теперь - уходи отсюда! - он бы оставил эту гору стоять... стоять... стоять... и крайний дом, и крайний дом, где его давно ждут...

И он начинает плакать в этих сумерках. Плакать он начинает, вот что. Плачет наш Семен, плачет наш Семенчик. Не плачь, Семенчик, а то коза забодает. Забодает тебя коза, Семенчик, мальчик мой.

"Я ЭТУ ПЕСНЮ ВЫДУМАЛ НЕ САМ..."

*Жизнь дана - я твердо знаю,
Чтоб достойно путь пройти.
Страх презрев, одолевая
Все преграды на пути.*

Исполнилось 105 лет со дня рождения автора этих строк - еврейского поэта, прозаика и драматурга Бера (Бузи) Миллера (Мейлера). А ушел он из жизни 30 лет назад. Две даты, а между ними - драматические повороты судьбы и литературное творчество, до последнего времени, увы, в полной мере не востребованное, хотя того и заслуживающее.

Бузи появился на свет в местечке Копай на Украине. В юношеском возрасте трудился на одной из фабрик Харькова. Потом отправился в Москву, где поступил в педагогический институт, завершив учебу в 1936 году. После окончания вуза, молодого специалиста направили в Биробиджан, и вся его последующая биография, в том числе и творческая, была связана с еврейской автономией на Дальнем Востоке России. Писал Бузи на родном для него языке - на идиш. Первый сборник, куда вошли его новеллы, был издан в 1931 году, а спустя три года появилась книга его рассказов.

В течение десяти лет Миллер работал в областной газете "Биробиджанер штерн" - переводчиком, заведомом культуры, замом и, наконец, главным редактором. В 1948 году отдельной книгой вышла в свет написанная им повесть "Биробиджан". Для местного театра Миллер сочинил пьесу "Он - из Биробиджана", которую тут же поставили на сцене. А потом в стране развернулась политическая кампания борьбы с "безродными космополитами". Прокатилась мутная волна арестов, как это поется в известной песне, "от Москвы до самых, до окраин". Арестовали и Миллера. Его творчество следователями классифицировалось как националистическое. Ему инкриминировали создание "преступной группы, деятельность которой направлена против национальной политики партии и Советского правительства", приговорив ни в чем не повинного литератора к 10 годам лишения свободы. Мраком лагерных барачных обернулась для многих тысяч евреев вера в "свет социализма". Во дворе биробиджанской областной библиотеки имени Шолом-Алейхема пылали костры, куда были брошены произведения арестованных в Москве "космополитов" Д.Бергельсона, Д.Гофштейна, П.Маркиша и других талантливых авторов, составлявших цвет еврейской литературы. Среди объятых пламенем книг и журналов были и местные альманахи на мамэ-лошн: "Форпост" и "Биробиджан", в которых публиковались и произведения Миллера. Вслед за ним, по разным адресам архипелага ГУЛАГ отправлялись его "подельники" - поэтесса Люба Вассерман, писатели Гершл Рабинков, Нохем Фридман, Исроэл Эмиот, актер Биробиджанского ГОСЕТа Файвиш Аронес, сотрудник областного

радио Бер Слуцкий. Миллер "мотал срок", вкальывая на лесоповале и в каменоломне. Но даже в нечеловеческих условиях продолжал писать, и это помогало ему выжить.

После смерти Сталина Бузи Миллер был реабилитирован и вернулся в Биробиджан. После шестилетней "отсидки" в тайшетских лагерях, "дослужился" до должности ответсекретаря, затем - заместителя главного редактора. В год 50-летия ЕАО в столице автономии издали сборник стихов Миллера. Даровитый автор скончался в разгар горбачевской перестройки. Его стихи на русский язык переводили поэты Михаил Асламов, Людмила Миланич, Роальд Добровенский, Нина Филипкина, Виктор Соломатов, Леонид Школьник. В Биробиджане в честь Бузи Миллера наименовали одну из улиц, и этот факт, в частности, привлек внимание известной еврейской поэтессы Доры Хайкиной:

*Порою мне кажется, что наяву,
Брожу я в разлуке по улице,
Где к сумеркам прячется ветер в траву,
И тени деревьев сутулятся.
В омуте неба - месяц-блесна,
Биры ощутимо дыхание.
Когда-то гуляла тут наша весна,
А ныне - воспоминания...
Ах, Бузи, мой добрый
товарищ и брат.
Ты, наконец, богат!
Письменный стол одинокий,*

*как вдовец,
Лампа огнём не согрета,
Но множество юных
и добрых сердец
запомнили улицу эту.
Видишь, ступени подъезда сейчас
двоим - наподобие трона,
Минутой им кажется вечера час,
как все это нам знакомо!
Ах, Бузи, мой старый
товарищ и брат,
воистину ты богат!
Письма летят, словно птиц караван,
Манит их берег зелёный
Улица Миллера, Биробиджан -
Адрес до боли знакомый.
И всё же не улица - главное. Нет
Наследство твоё щедрее -
Оставил ты мудрого слова след
в памяти доброй евреев.
Ах, Бузи, мой милый
товарищ и брат,
как ты богат!
Порою мне кажется, что наяву
брожу я в раздумье по улице,
Где к сумеркам прячется ветер в траву
И тени деревьев сутулятся...*

Из поэзии Бузи Миллера

Песня

*Нет, здесь вины моей ты не найдёшь,
я в этом деле стрелочник, не боле.
Виной всему случившемуся дождь,*

*Который нынче буйствует на воле.
Наполнил он тревогою меня
и беспокойства незнакомым светом,
и я брожу, один лишь дождь вина -
за то, что соблазнил писать об этом...
Нет, здесь вины моей ты не найдёшь.
Во всем весна, конечно, виновата.
И я тяну к ней лодочки ладош,
и каждая, как ласточка, крылата.
Нет, здесь вины моей ты не найдёшь...
Не откажись от доброго совета:
спроси тайгу, когда в нее войдёшь,
откуда появилась песня эта.
Я эту песню выдумал не сам.
Она случайно вышла на дорогу,
и ветер, что шатался по лесам,
принёс её к весеннему порогу...*

Перевод Л.Школьника

Весеннее

*Гляди - уже взрывают вешний лёд,
И за столбом белесый столб высоко
Меж берегами с грохотом встает,
Освобождая быстрину потока.
Всё шире, шире чистая вода.
И думаю: "О, если бы всегда,
Всегда и всюду лишь такие взрывы
Вздымали почву, скалы и снега,
Чтоб голубели вешние разливы
И зеленели наши берега!..."*

Перевод В.Тихонова

Стихотворения, написанные в сентябре 1954 года в Тайшетском лагере

1. Сыну

*В ранец уложена первая книжка,
Чистая, первая в жизни тетрадь...
Ныне впервые далекий сынишка
В школу идет... Шаловливая рать.
Резвых ребят, отдохнувших за лето,
Примут в шумливый свой круг новичка
Гулкие классы, плакаты, портреты,
Черная, в солнечном блеске доска...
Вникнешь ты в дней
отгоревших глубины,
Взор твой в грядущее тропы найдет.
Смелым учись быть, неколебимым,
Двигайся шагом упорным вперед.
Ныне впервые сидишь ты за партией,
Взгляд твой за первую буквой следит.
Сын мой далекий...
Счастливого старта!
К солнцу науки орленком лети...*

2. Сосна

*Сосна зависшая... Когда
Нежданно срезана пилою,
Она поникла хвойной головою,
Сестра ее постарше,
что вблизи стояла,
В паденье роковом ее сдержала
Ветвями верными... И с той поры
Стояли две сосны, как две сестры,
Объятые крепким сплетены,
Трепещут обе на ветру,
Его порывы отражая,
И ревностно хранит сраженную сестру
Сестра живая...*